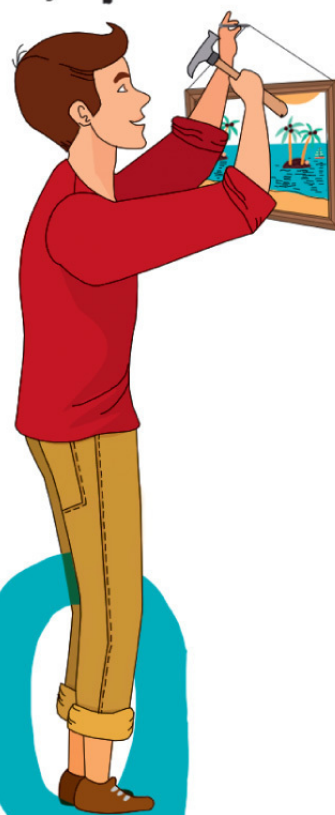

ФИНАЛИСТ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ПРЕМИИ GOODREADS CHOICE AWARDS 2016

САЛЛИ ТОРН

Салли Торн делает почти невозможное — она освежает знакомый сюжет и придает ему оригинальности. И выходит просто очаровательно!

Kirkus Reviews

МОИ 99 ПРОЦЕНТОВ

РОМАН

Салли Торн
Мои 99 процентов

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

Торн С.

Мои 99 процентов / С. Торн — «Азбука-Аттикус», 2019

ISBN 978-5-389-18252-3

Будучи успешным фотографом, Дарси успела побывать во всех уголках земного шара, но так и не нашла мужчину своей мечты, поскольку никто не может сравниться с Томом Валеской, которого она знает с детства. Однако ее брат-близнец Джейми объявил Тома своим лучшим другом. А Дарси желает, чтобы любимый мужчина принадлежал ей на все сто процентов. Брат с сестрой получают в наследство полуразрушенный дом бабушки. Согласно завещанию, они должны отремонтировать его и продать, а деньги поделить поровну. Дарси собирается отправиться в путешествие на время ремонта, но вот беда: она не может найти свой паспорт, потому вынуждена остаться дома и наблюдать за ремонтом, который поручен Тому. И Дарси понимает: для нее это шанс отвоевать у брата хотя бы один процент привязанности их общего друга детских лет, а может, и девяносто девять. Сумеет она осуществить свою мечту? Или?.. Впервые на русском языке!

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-18252-3

© Торн С., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Салли Торн
Мои 99 процентов

*Посвящается Роланду,
«Флеймтроуэрс» и мне самой*

Sally Thorne

99 PERCENT MINE

Copyright © 2019 by Sally Thorne

Published by arrangement with William Morrow, an imprint of HarperCollins Publishers

All rights reserved

Перевод с английского Ирины Тетериной

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука». © И. А. Тетерина, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020 Издательство Иностранка®

Глава 1

Когда я только начинала работать барменшей, меня никто этой хитрости не учил, но, к счастью, я быстро дошла до нее сама: когда в бар входит группа мужчин, нужно определить, кто из них альфа-самец.

Справишься с ним – можешь рассчитывать на какое-никакое уважение со стороны остальных. Сегодня я вычисляю его с первого же взгляда. Он самый высокий и красивый из всех, с самовлюбленным выражением лица. Как предсказуемо!

Они с друзьями явно сбежали с местной студенческой вечеринки: заскучали и решили отправиться на поиски приключений. На всех пастельные рубашки поло. Ну, мальчишки-колокольчики, держитесь! Кажется, сейчас будет весело. Бар «Тупик дьявола» не для слабых духом. Я вижу, как байкеры за бильярдными столами начинают с ухмылками переглядываться. Охранник, сидящий у двери, расправляет плечи. Забавно, что больше всего проблем у нас возникает, когда в баре появляются именно такие пай-мальчишки.

– Заблудились, ребятки? – без улыбки обращаюсь я к альфе.

– Привет, мистер, – бросает он в ответ.

Это шпилька в сторону моей короткой стрижки, и его друзья со смехом тянут:

– Ой, блин!

Меня зовут Дарси, и у него нечаянно выходит каламбур с отсылкой к Джейн Остин. Сомневаюсь, впрочем, что сам он его бы понял. В упор смотрю на него, сощурившись, и смех застревает у него в горле. Альфа-мальчик вспоминает, что выпивку тут наливаю я.

– Но честное слово, вы очень круто выглядите.

Моя коллега Холли спешит скрыться с глаз. Она у нас новенькая, и от их взглядов ей не по себе.

– Сбегаю-ка я за... за кассовыми лентами.

И она исчезает в подсобке, обдав меня запахом дезодоранта с ароматом гардении.

Я продолжаю сверлить альфа-мальчика взглядом и, когда он первым отводит глаза, на мгновение испытываю ощущение триумфа. Теперь альфа я.

– Мы, судя по всему, стрижемся в одной парикмахерской, потому что ты тоже ничего так выглядишь. А теперь заказывайте что-нибудь или выметайтесь!

Парнишка явно не привык к такому обращению со стороны женщины, и, к его изумлению, оно ему нравится. Он демонстративно пережевывает жвачку, не сводя с моего лица заинтересованных глаз.

– Во сколько ты заканчиваешь работу?

Я представляю себе Кена, приятеля куклы Барби, слишком долго пролежавшего на солнце, и мысленно наступаю на его загорелое лицо, словно это сигаретный окурочок.

– Даже не мечтай.

Он явно задет за живое. Смазливая физиономия всю жизнь была его пропуском за кулисы, и он не понимает, почему она не действует на меня. Со мной что-то не так? Бьющий в лицо свет превращает его лицо в бежевый блин без единого пятнышка тени, и я понимаю, что в нем нет ничего, что могло бы меня заинтересовать. В том, что касается лиц, я – сноб. Лицо без теней – не лицо.

– Что пить будете?

Даже не дожидаясь ответа, тянусь к рюмкам для крепких напитков.

– Самбуку! – выкрикивает кто-то из этих сопляков.

Ну разумеется. Любимое пойло дегенератов.

Я разливаю выпивку и принимаю оплату. В банку для чаевых со звоном летят монеты. Этим ребятам нравится, когда с ними обращаются как с грязью. Им очень хочется получить

полный спектр острых ощущений от сафари в бар для байкеров, и меня они воспринимают как своего проводника. Их вожак продолжает подбивать ко мне клинья, явно намереваясь взять измором, но я разворачиваюсь на полуслове и ухожу.

Сейчас вечер воскресенья, но наши посетители не беспокоятся, что не успеют отдохнуть перед завтрашним рабочим днем.

Моя бабушка Лоретта как-то раз сказала, что если ты способен налить напиток в стакан, то сможешь найти работу где угодно. Она тоже была барменшей в свои двадцать. Это был хороший совет; я наливала напитки в стаканы по всему миру и справлялась со всеми возможными вариантами альфа-самцов.

Интересно, что сказала бы Лоретта, если бы могла видеть меня сейчас: я разливаю пиво, готовая в любой момент выдать заранее заготовленное бранное слово. Наверное, со смехом захлопала бы в ладоши и воскликнула: «Мы с тобой могли бы быть близнецами, Дарси Барретт!», потому что она всегда так говорила. Когда на ее похоронах показывали слайд-шоу из фотографий, я прямо-таки чувствовала, как она искоса поглядывает на меня со снимков.

Мы могли бы быть близнецами. На полном серьезе. Теперь я сплю в ее спальне и доедаю оставшийся после нее запас консервов. Осталось только начать носить в сумочке хрустальный шар и гадать на картах Таро, и тогда я официально стану ее реинкарнацией.

Холли, судя по всему, отправилась за кассовой лентой не иначе как на бумажную фабрику. Терпение у одного из облаченных в кожаные куртки байкеров уже явно на исходе, и он искоса поглядывает на Пастельных Рубашек. Я киваю ему и поднимаю палец – одну минуту. Он недовольно пыхтит, но все же решает обойтись без членовредительства.

– О, у тебя кожаные штаны? – Один из Пастельных Рубашек перегибается через барную стойку и окидывает взглядом мою корму. – Ты прямо как Сэнди из «Бриолина»... – Его взгляд фокусируется на бейджике с выдуманным именем, который я приколотила над левой грудью. – Джоан.

Его скептический взгляд спускается чуть ниже. Видимо, я не очень-то похожа на Джоан.

– Я – Риццо, идиот. И если ты не прекратишь висеть на стойке и пялиться на мои сиськи, сейчас сюда подойдет Кит. Вон тот, который сидит у двери. В нем шесть футов десять дюймов, и ему скучно. – Я машу Киту пальчиками, и он со своего табурета отвечает мне тем же.

– Ему скучно, мне скучно, и Кожаным Курткам тоже очень, очень скучно.

Я передвигаюсь вдоль стойки, раздаю стаканы и принимаю оплату, каждый раз задвигая бедром кассовый ящик.

– Джоан права. Нам очень скучно, – шутовским тоном подтверждает один из байкеров помоложе.

Он стоит, привалившись к стойке, и с интересом наблюдает за разговором. Пастельные Рубашки вздрагивают и как по команде утыкаются в свои телефоны. Мы с байкером ухмыляемся друг другу, и я протягиваю ему пиво – за счет заведения.

Всё, они меня окончательно достали.

– От самбуки у вас яйца скукожатся. Ой, кажется, для выпивки слишком поздно. Всё, катитесь отсюда!

Они послушно тянутся к выходу.

Когда все уже позади, из-за двери выглядывает Холли с вытаращенными глазами. В руках у нее ничего нет. Она вся – сплошные коленки и локти, и наш босс Энтони принял ее на работу, не задав ни единого вопроса. Такие лица, как у нее, пользуются успехом у работодателей. И кому какая разница, если она не способна ни сдачу отсчитать, ни напитки разлить, ни с мужиками управиться.

– Я всегда так радуюсь, когда вижу, что нас с тобой поставили в одну смену! – Холли усаживается на скамейку и выдыхает, шумно и протяжно, как будто успела изнемогнуть от тяжелой работы; на бейджике у нее написано «Холли», вдобавок она украсила его наклейкой в виде

сверкающего розового сердечка. – Рядом с тобой я чувствую себя в большей безопасности. Ты, наверное, и за Китом тоже приглядываешь.

– Так оно и есть. – Я ловлю его взгляд, и он согласно кивает, прислонившись спиной к стене на своем табурете.

Хотите еще одну маленькую хитрость из арсенала бармена? Всегда дружи с охраной. Я наливаю пойло всем этим ребятам, а Кит следит за тем, чтобы они не слишком расходились. Мне приходит в голову, что, наверное, следовало бы поделиться этими премудростями с Холли. Впрочем, я не хочу, чтобы она задерживалась на этой работе дольше необходимого.

– Когда я уйду, придется тебе отрастить броню.

– Сколько еще ты планируешь здесь проработать? – Холли поджимает губы.

– Ремонт бабушкиного дома начнется через два месяца, если только опять что-нибудь не отложится. Как он начнется, так я сразу и свалю. – Блестящая наклейка на бейджике Холли действует мне на нервы. – Я бы на твоём месте ни за что не стала в подобном заведении вывешивать на груди свое настоящее имя.

Она склоняет голову набок. С ее внешностью ей впору было бы сниматься для свадебных каталогов – в пышном кружевном белом платье и с тиарой на голове.

– Никогда не думала назваться вымышленным именем. А какое подошло бы мне?

Если в моем портативном принтере для печати наклеек на бейджи еще осталась чистая лента, это будет настоящее чудо. Промышленный запас бейджиков как нельзя лучше характеризует степень озабоченности Энтони текучкой кадров. Нужно, наверное, израсходовать их еще сотню, чтобы он начал задумываться.

– Из тебя вышла бы отличная Дорис.

– Оно какое-то старушечье, – морщит носик Холли.

– Ты хочешь сексуальное вымышленное имя? Хол, не смей меня.

Я распечатываю наклейку и леплю ее на бейдж. Когда я протягиваю его ей, она некоторое время молчит.

– По-твоему, я похожа на Берту?

– Определенно.

Я обслуживаю еще несколько клиентов.

– Нет, я скорее уж Гвендолин. Или Вайолет?

Однако она послушно прикалывает бейджик на грудь.

Я забираю у нее старый и отправляю в мусорку. Может быть, если она будет продолжать в том же духе, я смогу в свою смену немного расслабиться.

– Когда-нибудь ты станешь доктором Бертой Синклер, консультирующей попугаев в депрессии и каждый день укладывающейся в постель ровно в девять вечера. – Мой тон кажется мне слишком похожим на тон заботливой старшей сестры, и я добавляю: – А может, ты будешь ветеринаром где-нибудь в южноамериканских джунглях. Будешь помогать попугаям ара вновь поверить в любовь.

Она сует руки в тесные карманы и улыбается:

– Честное слово, в ветеринарной школе мы проходим не только одних попугаев! Я же тебе говорила.

– Эй, крошка! – окликает Холли какой-то парень.

Плохие мальчишки любят хороших девочек.

– Тебе виднее, – говорю я ей, а ему я бросаю: – Отвали!

Она подхватывает игру:

– И когда я буду делать диагностическую лапароскопию какой-нибудь старой кошке, ты в это время будешь где-нибудь в южноамериканских джунглях, со своим рюкзаком за спиной, прорубать себе дорогу через лианы.

Она взмахивает в воздухе воображаемым мачете.

– Вообще-то, мне уже приходилось это делать в Андах, – признаюсь я, стараясь, чтобы мои слова не прозвучали так, будто я хвастаюсь; нет ничего хуже, чем самодовольный путешественник. – Пожалуй, мачете сейчас было бы очень кстати. – Я обвожу взглядом нашу клиентуру.

– Я тут заглянула в твой Инстаграм. Ты в стольких странах побывала, я просто сбилась со счета.

– Я задевала куда-то свой паспорт, а то посчитала бы для тебя штампы.

Принимаюсь собирать грязные стаканы, в очередной раз ломая голову над тем, куда же мог запропасться мой паспорт. Наверное, это призрак Лоретты шутит со мной шутки. Или его спрятал мой братец Джейми.

При мысли о хорошеньких глазках Холли, разглядывающих фотографии из моей прошлой жизни, мне становится не по себе. Я представляю, как их пролистывают мои бывшие. Любопытные партнеры на одну ночь. Бывшие клиенты моей фотостудии. Или, того хуже, клиенты Джейми. Надо убрать аккаунт под замок. Или вообще удалить.

– Я видела там ваши фотографии с братом. Вы так похожи, с ума сойти! Он такой красавчик! Мог бы подрабатывать фотомodelью.

Последние слова вырываются у нее в каком-то невольном приступе откровенности. Сколько раз я уже это слышала.

– Да, он даже как-то раз пробовал, и ему не понравилось. Он терпеть не может, когда им командуют. Но спасибо тебе на добром слове. Это комплимент и мне тоже, – говорю я, но до нее не доходит.

Мы с Джейми похожи, потому что мы близнецы. Вот только в близнецовой иерархии мы находимся в самом низу. Мальчик и девочка. Ни одеться одинаково, ни выдать себя друг за друга. Разнойцевые близнецы. Скукота!

Но стоит только признаться, что мы близнецы, как мы немедленно начинаем вызывать у некоторых людей жгучий интерес. Они всегда спрашивают: а кто из нас появился на свет первым? А можем ли мы слышать мысли друг друга? А когда одному больно, другой это чувствует? Я с силой щиплю себя за ногу. Вот тебе, Джейми! Надеюсь, ты сейчас вскрикнул и пролил свою выпивку где-нибудь в модном баре в центре города.

Если он красивый, то теоретически и я должна быть тоже очень даже симпатичной, но в школе меня слишком часто звали Джейми в парике, чтобы я могла в это поверить. Если нас поставить рядом и смыть с моего лица косметику, то меня ошибочно примут за его младшего брата. Такое уже случалось.

– И куда ты отправишься первым делом?

Холли определенно из девушек того разряда, которые отлично смотрелись бы в берете на вымощенной брусчаткой улочке. С багетом в корзинке велосипеда.

– Я намерена зарыть все бейджики с моими именами в землю в японском лесу самоубийц Аокигахара. Только тогда моя душа освободится от этого бара.

– Значит, не в Париж, – заключает она, ковыряя носком белоснежной кроссовки выбоину в полу.

С трудом удерживаюсь, чтобы не рассмеяться при мысли о том, что попала в точку. Прислоняю к ноге Холли швабру, но она сжимает ее обеими руками, точно героиня какого-нибудь мюзикла, готовая залиться пением.

– Почему ты так много путешествуешь?

– Мне говорили, что у меня повышенная импульсивность, – строю гримаску я.

Она все еще думает о том, что узнала о моей жизни.

– Ты же была свадебным фотографом. – Она окидывает меня взглядом. – Как это у тебя получалось?

– Все просто. Ищешь девушку в белом платье и делаешь вот так. – Я вскидываю воображаемую камеру и пальцем нажимаю на воображаемую кнопку.

– Нет, в смысле, разве ты не постоянно путешествовала?

– Ну, в сезон я жила у бабушки и фотографировала свадьбы. А остаток года путешествовала. – При этом я, мягко говоря, едва сводила концы с концами, однако как-то умудрилась прожить таким образом шесть лет. – Когда мне нужны деньги, я устраиваюсь в какой-нибудь бар. На фотографиях из путешествий я тоже пытаюсь зарабатывать, но они не слишком хорошо продаются.

– Слушай, не хочу тебя обидеть, но...

– Обычно с этих слов начинают, когда хотят сказать что-то обидное, – обрываю ее я.

К счастью, тут у барной стойки очень кстати нарисовывается один байкер постарше, весь в татуировках и с бурыми пятнами в бороде. Он ходячее воплощение омерзительности, но пока я наливаю ему выпивку, он молчит, и я в награду ему улыбаюсь. Вид у него немедленно делается встревоженный.

Когда он уходит, я отправляюсь в туалет и перед зеркалом растягиваю губы в вежливой улыбке. Кажется, я разучилась это делать. Собственное отражение напоминает мне акулий оскал.

Холли, впрочем, сбить с мысли не так-то просто. Я долго и тщательно поправляю волосы, заново подвожу глаза, целую вечность мою руки, и все равно, когда возвращаюсь, она продолжает ровно с того же места, на котором закончила:

– Но ты и свадьбы – это как-то не вяжется.

– Это еще почему, Берта?

Не могу даже сосчитать, сколько раз я слышала этот комментарий на свадебных вечеринках от подвыпивших гостей, которые лезли мне под руку, в то время как я пыталась снять первый танец новобрачных.

– Свадьбы – это романтика. А ты совершенно не романтичная.

– А мне и не нужно быть романтичной. Нужно просто понимать, что кажется романтичным клиенту.

Я вроде бы не должна чувствовать себя задетой, но почему-то злобно пинаю задвинутую под стойку картонную коробку и бросаю сердитый взгляд на нашу неотесанную клиентуру.

Какая-то парочка совокупляется прямо в закутке у туалетов. Ритмичные движения его бедер вызывают у меня неукротимое желание блевануть. Однако же время от времени, когда они отрываются друг от друга, чтобы сделать глоток воздуха, и их губы размыкаются, его рука погружается в ее волосы, и они так друг на друга смотрят, что у меня внутри что-то екает. Я смогла бы даже этих двух придурков снять красиво.

А потом открыла бы пожарный кран и вымела бы обоих за дверь струей из брендспойта.

– Значит, в ваших отношениях с Винсом места романтике нет совсем? – спрашивает Холли с таким видом, словно заранее знает ответ.

Впервые увидев его, когда он здесь околачивался, она сказала: «Он нехороший парень, Дарси». На что я ответила: «У него пирсинг в языке, так что кое-что хорошее в нем все-таки есть». У Холли просто челюсть отвисла.

Я заглядываю в ближайший ко мне холодильник, чтобы оценить наши запасы.

– У меня в заднем кармане сборник сонетов. Когда мы с ним в следующий раз увидимся, я непременно продекламирую ему что-нибудь оттуда вслух.

– Но ты в него не влюблена.

Я только смеюсь в ответ. Хватит с меня влюбленностей.

– Он для меня – способ убить время. Я торчу здесь уже куда дольше, чем намеревалась.

Только бы обошлось без вопроса: «А ты вообще была когда-нибудь в кого-нибудь влюблена?»

– Хм, ну да, наверное, я не романтичная, – добавляю я.

– Почему ты бросила свадебную съемку?

Слово «бросила» задевает меня за живое, и Холли видит это по моим глазам. Она опускает взгляд и принимается теревить свой бейджик:

– Прости. У тебя на сайте написано, что ты больше не берешь заказы на свадебную съемку. И что теперь ты занимаешься предметной съемкой. Что это такое?

– Берта, почему бы тебе не спросить об этом «Гугл»?

Я пытаюсь облечь это в шутовую форму, но на самом деле я сердита. Ну почему она постоянно пытается набить мне в подружки? Она что, не понимает, что я уезжаю?

Надо снести этот сайт к чертовой матери!

– Ты никогда не разговариваешь со мной по-человечески, – протестует Холли слабым голосом. – Ни слова всерьез.

Ее хорошенькое личико все порозовело и сморщилось от огорчения. Я уйду в конец стойки и поворачиваюсь к ней спиной. Потом беру пивную кружку, в которой хранятся мои именные бейджики. Надоело мне быть Джоан. Я решаю, что до конца смены буду Лорейн.

Дарси мне быть тоже надоело.

– Прости, – дрожащим голосом говорит Холли.

Яжимаю плечами и, нырнув в холодильник, принимаюсь переставлять с места на место бутылки водки.

– Я просто... – «Застряла тут непонятно на какой срок без паспорта и забронированного билета на самолет. Сбылся мой ночной кошмар», – хочу я сказать, но вместо этого заканчиваю: – Стерва. Не обращай внимания.

Краешком глаза я замечаю отблеск лампы, отражающейся в бутылке виски, отчего ее содержимое становится золотым. Где-то глубоко под ложечкой у меня начинает сосать, и я выдыхаю, пока внутри не образуется пустота. В последнее время у меня пошла какая-то хроническая полоса тяжелых вздохов, в особенности когда я начинаю думать про свадьбы. Поэтому думать про них я отказываюсь.

Я веду собственный бизнес много лет, и за это время у меня, кажется, уже развился сверхъестественный нюх на мелочи, которые грозят вылиться в крупные проблемы. Холли до сих пор никто не оформил как полагается. Запасы выпивки требуют немедленного пополнения. Может, алкоголь для Энтони – вовсе не главный источник дохода? Я иду в подсобку и там пишу записку:

Энтони, может, нам пора уже пополнить наши запасы? Хочешь, я сделаю заказ? Д.

Для непробиваемой стервы у меня предательски девчачий почерк. Что-то не припомню, чтобы на моей памяти кто-нибудь из ребят, работающих в дневную смену, строчил озабоченные послания руководству. Я комкаю записку.

Когда я возвращаюсь за стойку и принимаюсь считать деньги в кассе, Холли делает еще одну попытку, на этот раз вернувшись к вопросу, который мы обсуждали до того, как она наступила на мину.

– Но вообще, я думаю, Винс тебе не подходит. Думаю, тебе нужен кто-то из них.

Она имеет в виду Кожаные Куртки.

Я продолжаю сосредоточенно пересчитывать деньги. Пятьсот, пятьсот пятьдесят. Неожиданное заявление, учитывая, что исходит оно от нее. Она боится этих ребят до обморока. Все проблемы с ними улаживаю я.

– Почему ты так считаешь?

– Тебе нужен кто-то еще более крутой, чем ты, – пожимает плечами Холли. – Вот он, например. Он не сводит с тебя глаз и всегда старается сделать так, чтобы его обслуживала именно ты.

Я не даю себе труда даже оторваться от кассы, чтобы взглянуть на того, кого она имеет в виду. Шестьсот, шестьсот пятьдесят.

– Уж лучше я умру в полном одиночестве, чем свяжусь с кем-то из этих придурков.

К стойке, лавируя между столами, пробирается тот самый байкер, который своим устрашающим видом помог мне выпроводить толпу студентов. Халявное пиво он, похоже, уже прикончил. Быстро же.

– Кого-то сегодня явно мучает жажда, – замечаю я и наливаю ему его обычную порцию виски.

– Ужасно, – подтверждает он, – и скука тоже.

– Ну, поэтому вы все здесь и толчетесь. Так, если у вас сегодня в планах подраться с теми ребятами, будьте так любезны, сделайте это на парковке, пожалуйста.

Взгляд его льдисто-голубых глаз останавливается на моем бейджике.

– Без проблем. Увидимся, Лорейн.

Он расплачивается, оставляет мне чаевые и уходит.

– Это он в тебя влюблен, – сообщает Холли, излишне громко.

Глава 2

Он оступается, и виски из его стакана выплескивается на пол. Он быстро восстанавливает равновесие и идет прочь. Кажется, успел здорово набраться.

– Заткнись! – шиплю я ей.

До сих пор я вообще толком не замечала этого типа, но сейчас понимаю, что он высокий, красивый, татуированный. Мышцы, задница, мотоботы. Годен по всем параметрам. И даже лицо довольно фактурное.

Представляю себе, как пытаюсь с ним поговорить. Потрогать его. Познакомиться поближе. Потом думаю, как он будет проделывать все то же самое со мной.

Возможно, он мог бы подкинуть меня до аэропорта.

– Я пас, – говорю я, бросаю в сторону Холли взгляд, недвусмысленно говорящий: «Не лезь не в свое дело», и вижу, что мое сообщение достигло адресата.

Примерно час мы с ней вежливо избегаем друг друга; она отпускает выпивку, а когда приходится пробивать чек, то взирает на кассовый аппарат с таким священным ужасом, словно видит его впервые в жизни. Мне страшно даже думать о том, сойдется у нас сегодня касса или нет.

Я волоку из подсобки очередной бочонок с пивом, и мое сердце начинает знакомо колотиться о грудную клетку. И вроде бы у меня должно хватать соображения, но все равно это становится неожиданностью, потому что я идиотка. Казалось бы, врожденное нарушение сердечного ритма – это вещь, к которой рано или поздно привыкаешь, но я каждый раз думаю: господи, опять! Это те грабли, на которые я регулярно наступаю и тут же благополучно забываю до следующего раза. В остальном я в свои двадцать шесть лет совершенно здорова, но сейчас мне приходится присесть в кресло Энтони, чтобы переждать внезапную темноту перед глазами и тошнотворное трепыхание в груди.

– Тебе нехорошо? – обеспокоенно спрашивает Холли, выглядывая из-за двери. – Девушки не должны таскать тяжести.

– Да спину немного потянула, – не задумываясь, вру я, потирая поясницу. – Иди в зал.

– Надо было Кита попросить, – упрямо говорит она, и я указываю пальцем на дверь, пока она не исчезает.

Тем временем мое сердце продолжает галопом мчаться вверх по пожарной лестнице небоскреба, причем на деревянной ноге. Шажок – пауза – прыжок – подтянуть деревяшку. Все выше и выше, и никаких тебе перил, только без паники, главное – не полететь навзничь во тьму. Надо потерпеть, сейчас все пройдет. Но на этот раз я дышу так тяжело, как будто сама взбираюсь по лестнице. В такие моменты я почти ощущаю сердитую тревогу Джейми, клубящуюся вокруг меня; он силой своей воли заставил бы мое сердце биться снова.

Это Джейми виноват в моих проблемах с сердцем. Это он оторвал меня от пуповины в материнской утробе, чтобы неторопливо приложиться к ней самому, а потом с улыбочкой наблюдал, как я сиңею, прежде чем возратить ее мне обратно. Мой кардиолог заверил меня, что такое невозможно, но я совершенно в этом уверена. Это абсолютно в духе Джейми.

По всей видимости, первой на свет должна была появиться я, но Джеймисон Джордж Барретт в самую последнюю секунду сделал рывок и обошел меня в очереди на выход. Он выскочил из мамы первым, розовый и крепкий, с воплем: «Есть!» Он был в верхнем процентиле по всем параметрам. Я же родилась желтушной и первую неделю своей жизни провела в скороварке для младенцев, подключенная к кардиомонитору. С тех самых пор Джейми опережал меня всегда и во всем, зарабатывая бесчисленные очки в классах, офисах, барах, зеркальных поверхностях, а возможно, и в постелях. Тьфу, гадость какая!

Видимо, с парнями в баре я без проблем управляюсь потому, что имела дело с альфа-самцом еще в утробе матери.

В городе, где теперь живет Джейми, сегодня шел дождь. Я представляю себе, как мой братец прогулочным шагом направляется по улице на работу своей мечты в инвестиционный банк. Понятия не имею, чем он там занимается. Наверное, купается в золотых монетах в банковском хранилище. Он в своем плаще «Берберри», с черным зонтом в одной руке и телефоном в другой. *Бла-бла-бла. Деньги, деньги, деньги.*

Что он сейчас сказал бы, если бы не наша ссора, после которой он перестал со мной разговаривать?

Дьшии давай, ты уже вся серая.

Отвлекись на мысли о Джейми – уловка, которая всегда срabатывает. Я направляю свое раздражение на него, а не на собственный барахлящий мотор. Мой мучитель одновременно исполняет роль и моего якоря.

Дарс, тебе пора серьезно заняться своим сердцем.

Из-за моего дурацкого сердца медицинская страховка стоит мне бешеных денег, и мои заработки в этой дыре с трудом покрывают ежемесячные взносы. Когда я об этом думаю, меня еще больше начинает тошнить от этой работы.

Мой сердечный ритм возвращается к жалкому подобию нормы. Однако до тех пор, пока мы с Джейми не помиримся, я пытаюсь справиться с невозможным: строить жизнь без своего брата-близнеца. Раздумываю, не отправить ли ему сообщение с какой-нибудь небрежной шпилькой, но потом вспоминаю, что ничего у меня не выйдет. Я пытаюсь справиться со второй невозможной в наше время в моем возрасте вещью: жизнью без мобильного телефона.

Телефон я утопила в унитазе, когда пару недель назад мы с Винсом в выходные ходили в бар «У Салли». И в тот самый момент, когда он шел ко дну, на экране высветился входящий звонок и фотография самодовольной физиономии моего брата. Ну разумеется, ему вздумалось позвонить мне впервые за черт знает сколько месяцев ровно тогда, когда мой мобильник был в недостижимости под толщей грязной воды, ни раньше ни позже. Экран померк, я вымыла руки и вышла за дверь.

Мои родители убили бы меня, если бы узнали, что у меня нет телефона. Они убили бы меня, если бы узнали, что холодными ночами я разгуливаю по дому без теплого халата. *Твое сердце! Ужас, кошмар!* Но что хуже всего, у меня такое чувство, будто никто даже не заметил, что я осталась без связи. С тех самых пор, как я расплевалась с Джейми и он уехал, мой телефон перестал звонить. Это он у нас тот огонек, к которому все притягиваются.

До меня доносится звон разбитого стекла и несколько громких возгласов. Бьющееся стекло приводит мужчин в состояние возбуждения. Я соплю, собираясь с духом. За многие годы я проделывала это сто раз, но от этого приятнее не становится.

– Что там у вас?

Топоча тяжелыми ботинками, я появляюсь из подсобки и вижу ухмыляющиеся мужские лица. Холли собирает осколки битого стекла, лицо у нее пылает. Повсюду лужи пива, ее футболка спереди вся мокрая. Никогда в жизни не видела девушку, которая находилась бы в настолько бедственном положении.

– Эта тупая курица даже пиво налить не в состоянии. – В этой группе альфа-самец – сквернослов, по виду похожий на строителя. – Ну, хоть симпатичная. В отличие от той.

Он имеет в виду меня. Я пожимаю плечами.

– Ничего страшного, – говорю я Холли.

Она без единого слова кивает и скрывается в подсобке. Не станет ли сегодняшняя смена для нее последней каплей?

Этот тип не собирается просто расплатиться и уйти. Ему явно нейдет. Я вяло спорю; все его высказывания – скука смертная. Я выглядела бы лучше, если бы не стриглась так

коротко. Я выглядела бы очень даже ничего, если бы только немного постаралась. А так я выгляжу как мужик, который зачем-то решил накраситься. А вот это уже было слегка обидно. Я вся из себя такая крутая, да? Все его комментарии и оскорбления я с легкостью парирую, но когда я пробиваю ему пятый двойной виски, он заходит слишком далеко.

– Да кем ты вообще себя возомнила? Думаешь, ты какая-то особенная, да?

Его голос проникает сквозь туман, и я впиваюсь взглядом в его лицо. Внутри меня разрастается странное ощущение: разверзающаяся трещина, словно меня только что раскололи надвое, точно сухое полено. Я не нахожусь, что на это ответить. Он видит, что его укол достиг цели, и удовлетворенно улыбается.

Мне доводилось выслушивать множество куда более серьезных оскорблений на множестве языков, но так сильно меня еще не задевало ни одно.

Хотя, вообще-то, задевало. Потому что ровно те же самые слова бросил мне в лицо мой брат, перед тем как уехать.

– Этого, – говорю я Киту, как будто выбираю в зоомагазине золотую рыбку.

Охранник за шкирку вышвыривает наглеца за дверь. Его дружки начинают шуметь и цедить сквозь зубы ругательства. Во мне мгновенно вспыхивает гнев.

– Ваша задача – сделать заказ, расплатиться и оставить чаевые. Молча. Так что давайте, выполняйте эти три пункта и проваливайтесь с глаз моих долой.

Тут возвращается Холли и, опустившись рядом со мной на колени, принимается сметать битое стекло в мусорный совок.

– Ай!

Я вижу, как по ее лодыжке прямо в белый носок с кроссовкой струится тоненький ручеек крови.

– Дай посмотрю, – произношу я, ценой невероятных усилий удержавшись, чтобы не вздохнуть.

Роюсь в аптечке и одновременно соображаю, не получится ли у меня пристроить ее куда-нибудь в другое место.

– Ты шить хотя бы самую малость умеешь? Моей подруге Трули, видимо, в ближайшее время понадобится помощница. Скорее всего, ты даже сможешь работать на дому.

– Я сшила лоскутное покрывало на свою кровать. Но там все было просто: строчи себе по прямой да и все. Если не нужно будет делать ничего сложного, наверное, я справлюсь.

Она стирает из-под глаз потекшую тушь и оглядывается с таким видом, будто до нее вдруг дошло то, что я поняла с самого начала: ей здесь не место.

Я заклеиваю ей ногу пластырем, выдаю ее половину чаевых и отправляю домой. Хватит с нее на сегодня.

– Если решишь не возвращаться сюда больше, просто напиши мне, и я скажу Энтони.

Холли кивает, еле сдерживая слезы.

Она хорошая девочка, но я очень надеюсь, что она уйдет отсюда. А не то в конце концов станет такой, как я.

Бар закрывается только в четыре утра, так что вскоре появляются по-настоящему крутые ребята, которые работают здесь в ночную смену. Они – мое будущее. Я убираю свои чаевые в сумочку, и мы несколько минут обсуждаем вопрос, за кем из того отребья, которое торчит у нас в зале, надо внимательно приглядывать.

– Пока, – бросаю я Киту, проходя мимо его табурета у двери, но он уже поднимается на ноги.

– Правила одинаковые для всех.

– Плевать я хотела на здешние правила!

– Ничего не поделаешь, – пожимает он плечами.

– А тебя самого кто провожает до машины?

Он явно задумывается над ответом.

– Ну, например, ты. – Он улыбается этой мысли. – Если когда-нибудь захочешь подзаработать, я сведу тебя с ребятами, которые держат охранную фирму. Ты отлично туда вступишь.

– Спасибо, конечно, но нет. – Я толкаю входную дверь, смирившись с тем, что он потащится вслед за мной, и немедленно оказываюсь в мареве сигаретного дыма и выхлопных газов. – Seriously, ты себе не представляешь, как меня бесит, когда ты обращаешься со мной как с маленьким ребенком.

– Ну, думаю, некоторое представление все же имею, – сухо отзывается Кит.

Когда я оглядываюсь на него через плечо, он окидывает парковку наметанным взглядом. Когда-то давно, задолго до меня, с одной девушкой, которая работала здесь, что-то случилось, и, кажется, где-то в переулке до сих пор таится какое-то ужасное, наводящее дрожь зло.

Я сдаюсь и направляюсь к машине:

– Идем, мой верный пес, пора на прогулку.

Длиннющие ноги Кита позволяют ему без труда поспевать за мной, в то время как я в раздражении лавирую между небольшими группками байкеров, стоящих рядом со своими мотоциклами.

– Эй, детка, постой-ка! – окликает меня один.

– Я сегодня не могу, – нарочито писклявым голосом отзывается Кит, и все они дружно покатываются со смеху. – Дарси, с тобой все в порядке? У тебя вид какой-то болезненный.

Я и забыла, каким восприимчивым он может быть. Он ведь зарабатывает на жизнь тем, что наблюдает за людьми.

– У кого, у меня? Я в полном порядке. Спасибо, что вышвырнул того придурка. Это, наверное, самая приятная часть в твоей работе – смотреть, как они распластываются по асфальту.

Принимаюсь рыться в сумочке. В обществе такого амбала можно обойтись и без зажатого в кулаке ключа.

– Не совсем. – Он огромный, как шкаф, приятной, хотя и без изюминки, внешности, с золотым перстнем на руке. – Кстати, я так и не отдал тебе те двадцать баксов, которые ты мне тогда одолжила. Хотел сказать тебе спасибо за то, что выручила... и за то, что выслушала, тоже.

Мне становится совестно, потому что на самом деле я вовсе его не слушала.

Я, как записная директорская подлиза, проверяла графики работы наших ребят, выискивая всяческие нестыковки, а Кит сидел рядом со мной на табурете, рассказывая про жену и тещу и засунутый куда-то бумажник. Что-то про плохое самочувствие и постоянную работу. Все это сопровождалось изрядным количеством вздохов и разорванной в клочки подставкой под пивную кружку. Он, конечно, милый, и мне его жаль, но двадцать баксов показались мне тогда вполне сходной ценой за то, чтобы положить конец его излипаниям.

– Да не парься ты так из-за этой двадцатки.

Как и всегда, когда я проявляю щедрость, меня прямо-таки начинает распирать изнутри от гордости. Я делаю паузу, но Кит молчит и продолжает нависать надо мной.

– Seriously, у меня совершенно не горит. Можешь оплатить мне прощальную выпивку, когда я наконец буду отмечать свое увольнение из этого гадюшника. Ладно, я поехала. Вино само себя не выпьет.

– Ну так и пила бы свое вино прямо здесь, – предлагает он. – Бары именно для этого и существуют.

– Ну уж нет, – строю я гримаску, – я не намерена дышать одним воздухом с этим отребьем ни на минуту дольше, чем необходимо.

– Я поставлю тебе табуретку рядом со мной, – предлагает он, но я качаю головой.

– Лучше всего мне пьется дома на диване. Без штанов. К тому же там можно всласть подепрессировать под «Смитов».

Кажется, я проявила излишнюю откровенность.

Берусь за ручку дверцы, но Кит лишь испускает протяжный вздох. Кажется, он мнется не просто так. Начинаю подозревать, что он собирается занять у меня еще денег.

– Господи, ну что там у тебя? Давай выкладывай.

Он шурится на звезды:

– Ночка сегодня что надо, правда?

Я упираю руку в бедро:

– Кит, ты ведешь себя очень странно. Пожалуйста, перестань, а не то раздавишь мою машину.

– Ты ведь тоже это чувствуешь, да?

Он смотрит на меня с высоты своего роста со странным выражением. Как будто с трудом сдерживается, чтобы не чихнуть.

– Что чувствую? Приближение полчища динозавров?

Рассмешить его мне не удастся. Он продолжает молча смотреть на меня, не давая уехать.

– Что? Что я должна чувствовать?

– То, что происходит между нами.

Шок, помноженный на эффект неожиданности, равняется гневу.

– Кит, что ты несешь?

– Ты постоянно на меня смотришь.

– Потому что ты – бронжилет, который мы держим на табуретке у входа. Нет, даже не вздумай! – Я отдергиваю руку, прежде чем он успевает схватить меня за локоть. – Твоей жене это наверняка бы очень понравилось.

Неверность – самая страшная мерзость, которую я могу только придумать, потому что она противоположность свадьбы, а это та область, в которой я варила много лет подряд. Человек обещает любить тебя всю жизнь, а потом плясает на посторонних девиц на работе?

– Знаешь что, Кит, катись-ка ты к черту!

Он поникает с несчастным видом, прижав руку к шее:

– С тех пор как ее мама заболела, у нее практически нет на меня времени. У меня такое чувство, что между мной и тобой есть какая-то связь, понимаешь?

– Потому что мы друзья. Были друзьями.

Рывком я открываю дверцу машины и испытываю приступ страха, когда его лапища выкручивает мое запястье, удерживая меня на месте. Пытаюсь выдернуть руку, и он усиливает хватку. Я злюсь и тяну решительней. Запястье болит даже сильнее, чем в тот раз в нашем детстве, когда Джейми выкрутил его мне специально. Но я рада этой боли. Она лучше, чем стоять на одном месте.

– Послушай, – снова начинает Кит, но кожа у меня слишком гладкая, чтобы он мог меня удержать, и я выскользываю из его пальцев, точно шелковый шарф.

На парковке почему-то необъяснимо безлюдно. Сердце у меня немедленно начинает учащенно биться, вскидывается, как человек, поднимающий взгляд вверх газеты: что тут происходит? Если оно сейчас меня подведет, я буду в ярости.

– Я думала, ты нормальный. – Я тычу пальцем Киту в лицо. – Как всегда, я ошиблась.

Плюхаюсь на сиденье, захлопываю дверцу и слышу, как он негромко шипит от боли. Все, я в домике, мои двери на замке. Я вообще большая специалистка по выскользыванию из чужих железных пальцев и сваливанию в туман. Мой бывший друг фанерной фигурой изменщика отражается в зеркале заднего вида. Как всегда, я ошиблась, потому что нормальных среди них нет.

Слышу собственный голос, произносящий эти слова вслух, но знаю, что это неправда. В мире еще остался один-единственный мужчина, сделанный из чистого золота. Он – подлинный

гигант в мире карликов. Так, мне срочно нужно вино. Напиться до беспамьятства, уснуть и все забыть.

Кружным путем я еду в круглосуточный магазин неподалеку от моего дома, время от времени бросая взгляд в зеркало заднего вида. Прячу сердце обратно в коробочку и выдерживаю десятиминутный спор с моей глубинной женской сущностью. Может, я слишком дружелюбно вела себя с Китом? Держалась слишком по-свойски, грубо, задиристо, слишком много ему улыбалась? Нет, пошел он к черту!

Я прокручиваю в голове наши с ним разговоры и морщусь при мысли о том, какими непринужденными и восхитительно платоническими их считала. Наверное, я видела в нем замену брату. Выходит, и ту двадцатку я ему заплатила за то, чтобы он был моим другом?

Господи, до чего же я жалкая!

Интересно, сколько таких Китов красуется на свадебных портретах, которые я сняла за все эти годы? Потираю саднящее запястье. Хорошее напоминание о том, что, как бы осторожна я ни была, этого никогда не будет достаточно. Да, вина мне сегодня понадобится много.

Торможу у обочины. Когда-то здесь был небольшой парк, втиснутый между домом, где я жила в детские годы, и коттеджем Лоретты. От прогресса никуда не деться, но переливающийся огнями круглосуточный супермаркет «Севен-элевен» на этом месте я воспринимаю как личное оскорбление. До сих пор не могу ездить мимо своего старого дома. Его выкрасили в лиловый цвет. И все равно я, наверное, смогла бы найти в себе силы взглянуть на этот фиолетовый дворец, прежде чем заставить себя повернуться и посмотреть на обшарпанный белый домик на другой стороне улицы.

Снова чувства. Так, мне срочно нужно вино.

– Что, опять? – восклицает Марко, кассир, когда я появляюсь на пороге. – Опять?

– Я слишком устала, чтобы слушать твои бредни, так что даже не начинай.

Мне очень удобно заезжать сюда по пути домой с работы, в противном случае я не стала бы этого терпеть. Марко прочитал какую-то книгу о сахаре, и она перевернула его жизнь.

– Сахар – белая смерть.

Он принимается рассказывать мне какую-то неправдоподобно звучащую историю про подсевших на сахар лабораторных крыс. Я беру с полки бутылку дешевого белого сладкого вина и банку консервированных рыбьих потрохов для Дианы, а затем отправляюсь в мой самый любимый отдел.

– Они раз за разом предпочитали сахар еде и в конце концов погибали от недостатка питательных веществ.

Пачку сигарет Марко продает какому-то покупателю без единого комментария.

Я высовываю голову из прохода:

– Именно это я и намереваюсь сделать. Пожалуйста, не разговаривай со мной.

Меня бесит, что я застряла тут так надолго, что даже последний продавец в магазине знает, кто я такая. Я не позволю ему испортить мне настроение. Этот момент особенный.

Просто невероятно, какие формы способен принимать сахар. Это искусство. Это наука. Это космос. Это самое близкое подобие религии, которое мне доступно.

Обожаю эти муляжные цвета. Кислотных оттенков мармеладки в сахарной обсыпке. Глянцево-черные лакричные косички. Увесистые пачки «Скиттлз». Розово-белый зефир, мягкий, как облачко. Полный спектр сладости представлен здесь во всем своем разнообразии, и он меня ждет.

– Рак... диабет... – вещает из-за кассы Марко в режиме радио.

Моя подруга Трули, единственная из моих школьных подруг, которая до сих пор никуда не переехала, считает, что женщина должна каждую неделю чем-нибудь себя баловать в качестве утешительного приза. Ну знаете, за необходимость мириться с несовершенством этого мира.

Вечер воскресенья – мой персональный еженедельный Хэллоуин.

Медленно иду вдоль полок и провожу кончиками пальцев по плиткам шоколада. Ах вы мои маленькие соблазнительные квадратики! Горький, молочный, белый – дискриминация мне неведома, я ем все. Кислоющие конфеты ядерных цветов, которые едят только гадкие мальчишки. Дайте мне яблоко в карамели, и я слопаю его вместе с косточками. Если полоска клея на клапане конверта сладкая, я оближу ее дважды. В детстве я была именно тем ребенком, который готов был пойти куда угодно с любым незнакомцем, поманившим его леденцом на палочке.

Иногда я позволяю себе наслаждаться соблазнами богатого ассортимента минут по двадцать, не обращая внимания на Марко и пересчитывая весь товар на полках, но сегодня я слишком устала от мужских голосов.

– Пять пачек маршмеллоу, – произносит Марко укоризненным тоном. – Вино. И банка кошачьих консервов.

– Кошачьи консервы практически не содержат углеводов.

Он не делает даже попытки просканировать мои покупки, так что я сканирую все сама и вытаскиваю купюру из пачки с моими чаевыми.

– Ты – продавец. Вот и продавай. Сдачу, пожалуйста.

– Не понимаю, почему ты так с собой поступаешь. – Марко, явно раздираемый моральной дилеммой, смотрит на кассу. – Ты являешься сюда каждую неделю и делаешь одно и то же.

Он нерешительно оглядывается через плечо на полку, где пылится та самая книга про сахар. К счастью, у него хватает ума не пытаться незаметно сунуть ее в мой пакет с покупками.

– А я не понимаю, какое тебе до этого дело, приятель. Просто обслужи меня. Я не нуждаюсь в твоих советах.

Впрочем, относительно того, что у меня сахарная зависимость, он не так уж и не прав. Если бы никто не видел, я бы сейчас слизала с прилавка просыпанный сахар, крупинки которого так соблазнительно на нем поблескивают. Забралась бы на плантацию сахарного тростника и сгрызла его весь.

Я много лет работала над маскировкой, и она надежно приросла ко мне. Но есть люди, которые видят, что на самом деле я слабачка, и пытаются меня опекать. Видимо, это эволюционный механизм из того же разряда, что и выживание сильнейших. Но они ошибаются. Я отнюдь не хромая газель, это лев пусть от меня спасается.

– Отдай мне сдачу, или, богом клянусь... – Я зажмуриваюсь и пытаюсь обуздать свой гнев. – Почему нельзя ко мне относиться как к любому другому покупателю?

Он отсчитывает мне сдачу и упаковывает мой сладкий воздушный наркотик:

– Ты прямо как я когда-то. Такая же сахарная наркоманка. Когда будешь готова покончить с зависимостью, приходи, я одолжу тебе книгу. Я уже почти восемь месяцев не ем сахара. Только в кофе добавляю капельку сиропа агавы в порошок...

Я уже направляюсь к выходу. Отказаться от сладкого? Ну почему от всего хорошего непременно нужно отказываться? Сколько у меня вообще в жизни осталось удовольствий? Кошки на душе начинают скрестить еще сильнее. Безысходней. Я останавливаюсь на пороге.

– Я напишу на тебя жалобу твоему начальству. – С моей стороны не очень-то красиво пускать в ход эту карту, но какого черта?! – Ты только что потерял покупательницу, *сладенький*.

– Ну зачем ты так?! – кричит мне вслед Марко.

Но раздвижные двери уже закрываются за моей спиной. Я сажусь в машину, запираю дверцы, завожу двигатель и врубаю музыку на полную громкость. Я знаю, что он меня видит, потому что он барабанит по стеклу своей маленькой клетушки, пытаясь привлечь мое внимание. Человечек в пластиковом футляре.

Вскрыв упаковку, я заталкиваю в рот четыре гигантские розовые маршмеллоу разом, отчего мои щеки немедленно приобретают сходство с бурундучьими. После этого показываю

ему в окно средний палец и с удовлетворением смотрю, как его глаза вылезают из орбит. Пожалуй, это один из лучших моментов в моей жизни за последнее время. Заливаясь хохотом, я трогаюсь с места и не могу успокоиться еще минут пять. Я еду, и в моих легких медленно оседает сахарная пыль.

Слава богу, что я смеюсь, а то, наверное, рыдала бы. Кем я вообще себя возомнила?

– Привет, Лоретта, – говорю я вслух, обращаясь к бабушке.

Надеюсь, она сейчас смотрит на меня откуда-нибудь сверху, с облака. Я останавливаюсь на красный свет и запускаю руку в целлофановый пакетик, чувствуя под пальцами податливую мягкость. Если у меня и есть где-то ангел-хранитель, это бабушка; она не уступила бы эту роль никому другому.

– Прошу тебя, пожалуйста, пусть в моей жизни появится что-нибудь лучше, чем кондитерские изделия. Мне это очень нужно.

От одних этих слов у меня перехватывает горло. Мне совершенно необходимо, чтобы кто-нибудь сейчас меня обнял. Необходимо почувствовать чью-то теплую кожу на моей. Я погибаю от одиночества, и даже если Винсу придет в голову ко мне заехать, он делу не поможет.

Кем я себя возомнила? Я нелюбимая и неприкаянная. И даже брата-близнеца у меня теперь нет.

На светофоре загорается зеленый, как будто хочет подать мне какой-то знак, но я запикиваю в рот еще несколько маршмеллоу и только потом нажимаю на педаль газа. Весь мир уже спит, и лишь я одна бодрствую.

Или не одна?

Сворачиваю на Марлин-стрит и вижу какую-то подозрительную машину, припаркованную перед моим домом. Делаю музыку потише и сбрасываю скорость. Этот большой черный фургон, новенький и блестящий, с номерами другого штата, очень подошел бы тому быковатому строителю из бара. Как он узнал, где я живу? Волоски на моих руках встают дыбом.

Медленно проезжая мимо, я поворачиваю голову. В кабине никого не видно. Вряд ли это Джейми – он никогда в жизни не согласился бы сесть за руль фургона, даже если бы в прокате не осталось никаких других машин, да и запарковался бы на подъездной дорожке, а не на улице. Сердце у меня, пока я делаю кружок вокруг квартала, колотится так сильно, что, похоже, решило разбиться всмятку. Эх, вот был бы сейчас рядом со мной Кит! – мелькает у меня в голове. Но потом я вспоминаю.

И тогда меня охватывает злость.

Газанув, я влетаю на подъездную дорожку и врубаю дальний свет. Потом немного опускаю стекло и, перекрывая оглушительный грохот собственного сердца, спрашиваю:

– Кто здесь?

До меня доносится тьявканье, и из темноты на негнущихся лапках семенит старая чихуахуа в полосатом свитерке. Следом за ней появляется мужчина, и весь мой страх как рукой снимает. Эту богатырскую фигуру я узнала бы где угодно и без собачонки. Прощаться с жизнью можно пока погодить. Теперь я под такой надежной охраной, какой позавидовала бы любая девушка на планете.

– Спасибо, Лоретта, – говорю я облаку надо мной. В мире существует лишь одна вещь слаще сахара. – Быстро ты, однако.

Глава 3

В Томе Валеске есть что-то от зверя, и я чувствовала это каждый раз, когда он смотрел на меня.

Джейми обнаружил его перед запертой дверью его же собственного дома, который располагался через дорогу от нашего. Джейми называл его «тот дом для бедных людей», потому что несчастные жильцы в нем сменялись с пугающей регулярностью. Мама ругала его за это. *Если нам повезло в жизни, это еще не значит, что ты можешь считать себя лучше других, Принц.* Она заставляла Джейми бесплатно подстригать лужайку перед тем домом. Приблизительно раз в полгода мы относили приветственную корзину нашим очередным новым соседям – обыкновенно забитого вида женщинам с темными кругами под глазами, боязливо выглядывающим из своих новых дверей.

Однако в то лето стояла страшная жара. У мамы была куча студентов, которых она учила вокалу, папа был страшно занят в своем архитектурном бюро, а миссис Валеску практически никогда нельзя было застать дома. Приветственная корзина была уже упакована в целлофан и перевязана ленточкой, а миссис Валеска каждый день с рассветом уезжала куда-то на своей ржавой машине в четвертом часу утра, нагруженная ведрами, тряпками, швабрами и прочими приспособлениями для уборки.

Ее сын, которому в ту пору было восемь, как и нам с Джейми, слонялся по участку, не зная, чем себя занять, поскольку из всех развлечений у него была лишь колка дров. Я знала это, поскольку заметила его намного раньше, чем на него наткнулся Джейми. Если бы мне разрешали уходить дальше нашего крыльца, я быстренько прибрала бы его к рукам. *Эй, тебе не жарко? Попить не хочешь? Пойди посиди в тенечке.*

Джейми, которому было позволено гулять по улице с условием не уходить дальше того места, откуда видно дом, обнаружил Тома перед запертой дверью поздно вечером и привел его к нам домой. В кухню он затаскивал его за рукав. Выглядел Том так, будто его не помешало бы обработать от блох. Мы накормили его куриными наггетсами.

– Я собирался спать на качелях на крыльце, – объяснил Том нашим родителям застенчивым хриплым шепотом. – У меня нет своего ключа.

Привыкшие к громогласному Джейми, они с трудом его расслышали. Неужели его абсолютно не страшила перспектива остаться ночевать на улице без ужина? Я была поражена. Слеплена, словно в присутствии знаменитости. Каждый раз, когда он бросал на меня взгляд своих желто-карих глаз, у меня в животе что-то екало.

Казалось, он знал меня как облупленную.

Тот ужин в доме Барреттов раз и навсегда изменил расстановку сил в нашей семье.

Том буквально онемел от смущения, поэтому вынужден был выдерживать шквал болтовни Джейми. В его односложных репликах слышалось какое-то завуалированное предостережение, и мне это нравилось. Лишившись необходимости выступать арбитрами в моих с Джейми стычках, наши родители получили возможность без помех шептаться и нежничать друг с другом. А я, впервые в своей жизни невидимая и всеми позабытая, получила передышку.

И мне это понравилось. Никто не таскал наггетсы из моей тарелки. Никто не вспоминал про мое сердце или мои лекарства. Я могла за едой сколько угодно играть под столом со старым фотоаппаратом «Пентакс», который лежал у меня на коленях, и время от времени бросать взгляды на занятое существо, сидящее напротив Джейми. Отчего-то ни у кого не возникло ни малейших сомнений в том, что он человек. А вот я вовсе не была так в этом уверена. Бабушка Лоретта рассказывала мне немало сказок о том, как звери и люди менялись телами, и у меня зародилось подозрение. Откуда еще у него во взгляде могла взяться такая звериная настороженность, почему в его присутствии у меня внутри екало?

Приветственная корзина была вручена его замотанной матери в тот же самый вечер. Сидя с моими родителями за бутылкой вина на крыльце, она долго плакала. Мы решили, что, пока лето, когда она работает, мы будем брать Тома к себе. Он оказался тем буфером, о необходимости которого наша семья даже не догадывалась. Мои родители буквально умоляли ее отпустить сына с нами в Диснейленд. Миссис Валеска была женщиной гордой и пыталась отказываться, но они сказали: «Это на самом деле ради нас. Ваш мальчик – настоящее золото. Нужно только подождать, пока врачи не смогут подобрать Дарси подходящую дозировку сердечных препаратов, и тогда мы все сможем путешествовать куда чаще. Ну или оставлять ее с бабушкой. Может, так будет даже лучше».

После этого первого ужина я, надо признаться, совершила один очень странный поступок. Я отправилась к себе в комнату и нарисовала ездовую собаку в блокноте, который прятала в вентиляционном отверстии.

Я просто не знала, куда еще канализировать ощущение, которое меня переполняло. На жетоне на ошейнике, крошечными буквами, чтобы никто не прочитал, я написала имя: Валеска. Я воображала себе зверя, который спал бы в ногах моей кровати. Он ел бы у меня с руки, но перегрыз бы горло любому, кто отважился бы переступить порог моей комнаты.

Я понимала, что это ненормально. Джейми распял бы меня за то, что я придумала себе вымышленное животное, наделив его чертами нового мальчика с нашей улицы, хотя никаких доказательств у него не было. Но именно это я и сделала, и по сей день, когда я оказываюсь в одиночестве в незнакомом баре и хочу сделать вид, что ужасно занята, я принимаюсь рисовать на картонной подставке под кружку Валеску с глазами не то волка, не то зачарованного принца.

В характерах я разбираюсь отлично.

Когда один из избалованных блондинистых близнецов Барретт падал в пропасть, на сцене неизменно появлялся наш верный Валеска. Его колдовские глаза оценивали обстановку, а потом ты ощущал на своем воротнике его зубы. А дальше он пускал в ход свою силу, и неразумный ты в два счета оказывался в безопасности, чувствуя себя ничтожеством по сравнению с ним. Сломался Барбимобиль? *Это всего лишь ось. Защелкни ее на место. Настоящая машина заглохла? Подними капот. Теперь попробуй завестись. Ну, вот видишь.*

И дело было вовсе не в рыцарском отношении ко мне как к девушке. Джейми Том тоже вытаскивал за шиворот из потасовок, баров и чужих постелей. И в каждом городе, куда меня заносила судьба, по ошибке забредя в какой-нибудь темный переулок, я мысленно призывала в спутники Валеску, чтобы не так страшно было идти.

Да, наверное, это звучит странно. Но это правда.

Но вернемся к нашим баранам: моя жизнь зашла в тупик, а у меня на крыльце сидит Том Валеска. Его озаряет свет фонарей, луна и звезды. В животе у меня екает, а в пропасти я провела столько времени, что уже не чувствую собственных ног.

Я вылезая из машины.

– Патти!

Спасибо дорогому мирозданию за милых маленьких зверюшек и их способность сглаживать неловкие ситуации. Том спускает ее с рук, и Патти семенит по подъездной дорожке мне навстречу. Я одним глазом поглядываю на темное крыльцо у Тома за спиной. Но ни одной элегантной брюнетки на свет не выходит. Присаживаюсь на корточки и про себя возношу благодарственную молитву.

Патти – короткошерстная черная с рыжими подпалинами чихуахуа с большой круглой головой. Ее блестящие глазки взирают на окружающих с выражением крайнего неодобрения. Я больше не принимаю его на свой счет, но, господи боже ты мой, эта собачонка смотрит на тебя как на дымящуюся кучку дерьма. Такая уж у нее мордочка. Она помнит меня. Не каждому выпадает честь быть навеки запечатленным в этом крохотном, размером с грецкий орех, мозгу. Я подхватываю ее на руки и чмокаю в нос.

– Что ты тут делаешь, Том Валеска, самый идеальный мужчина в мире?

Иногда прятать самые сокровенные свои чувства лучше всего на виду.

– Я не идеальный мужчина, – отзывается он в тон мне. – И я тут затем, чтобы приступить к ремонту дома. Ты что, не получила мое голосовое сообщение?

– Мой мобильник покоится на дне унитаза в каком-то баре. Где ему самое место.

Том морщит нос, по всей видимости радуясь, что его не призвали выуживать злосчастный телефон.

– Ну, все и так в курсе, что ты никогда не берешь трубку. Все разрешения уже получены, так что мы начинаем... ну, в общем, прямо сейчас.

– Альдо все время откладывал наш ремонт под всякими идиотскими предложениями. А теперь работы начнутся на два месяца раньше? Это... неожиданно. – Я начинаю нервничать, ведь ничего же еще не готово, и главным образом я. – Если бы я знала, что ты едешь, то заранее купила бы твой любимый «Квенч»¹.

– Его больше не производят. – Том улыбается, мой живот скрючивает так, что отдается даже в сердце. – Но не переживай, – добавляет он доверительным тоном. – У меня его полный винный шкаф.

– Господи, как ты вообще пьешь эту черную химическую дрянь!

С моим лицом происходит что-то странное; я прижимаю ладонь к щеке и понимаю, что улыбаюсь. Если бы я знала, что он придет, то навела бы идеальный порядок в ванной и забила бы холодильник зеленым салатом и сыром. И стояла бы у окна в ожидании, когда покажется его машина.

Если бы я знала, что он придет, то постаралась бы немного собрать себя в кучку.

Иду по краю дорожки, задевая бордюрные камни.

– Придется тебе теперь беречь его для особых случаев. В свой восемнадцатый день рождения ты вполне мог запить стаканом «Квенча» сэндвич с салатом и сыром. Они до сих пор составляют твой ланч?

– Ну да. – Он смущенно и виновато отводит взгляд. – Наверное, я совсем не изменился. А у тебя что на ланч?

– Это зависит от того, в какой стране я нахожусь. Но пью я вещи покрепче газировки.

– Ну, значит, ты тоже не изменилась.

Он по-прежнему не смотрит на меня больше секунды кряду. Но меня это не смущает. В его присутствии даже одна секунда кажется вечностью.

– Смотрю, малышка, ты получила мой рождественский подарок, – говорю я, обращаясь к Патти.

Я имею в виду свитерок, который на ней надет.

– Спасибо, подарок сел на нее как влитой. И мой на меня тоже.

Винтажная футболка с эмблемой Дня святого Патрика, или Патти, как его ласково именуют ирландцы, надетая Томом, по всей вероятности, исключительно из вежливости, трещит на нем по всем швам. Если бы она была человеком, это был бы изможденный призрак, на последнем издыхании умоляющий: «Пожалуйста, спасите меня». Прямо-таки зрелище мечты.

Безумной, горячечной мечты, в какой совершенно невозможно никому признаться.

– Я знала, что ты не постесняешься надеть футболку с Патти.

Я нашла эту футболку на барахолке в Белфасте и в это мгновение вновь обрела Тома.

К тому времени я не разговаривала с ним уже года, наверное, два, но мгновенно ощутила прилив радости. Это был идеальный подарок. Я отправила посылку со свитерком и футболкой авиапочтой, написав в графе «получатель»: «Томас и Патрисия Валеска», и долго веселилась,

¹ «Квенч» – марка сладкого газированного напитка. – Здесь и далее примеч. перев.

пока до меня не дошло, что, скорее всего, получать ее пойдет его подружка. Про Меган я забыла напрочь. Я не сообразила сунуть для нее даже самого заваливающего брелочка.

Бросаю взгляд на безымянный палец Тома. Кольца на нем по-прежнему нет. Слава тебе господи! Но забывать про существование Меган все равно не стоит. И я тут же подаю свою следующую реплику:

– Значит, футболки, которые хорошо себя ведут при жизни, могут после смерти попасть в рай.

Я ухмыляюсь при виде выражения, которое мелькает на его лице: оно смятенное, удивленное, неодобрительное и польщенное одновременно. Глаз не оторвать!

– Ты так и не вышла из подросткового возраста. Все такая же зараза. – Неодобрительно поджав губы, он смотрит на часы.

– А ты – все такой же горячий дедуля, – жму я на старую кнопку, и он бросает в мою сторону раздраженный взгляд. – Ну, что интересенького произошло в твоей жизни за последнее время?

– Я бы попросил тебя уточнить, что ты имеешь в виду под «интересеньким», но не уверен, что хочу знать ответ. – Том удрученно вздыхает и принимается ковырять носком ботинка разошедшиеся ступени. – Так ты хочешь, чтобы я взялся за ремонт, или будешь и дальше умничать?

– Да, будь так добр. Ну, папочка у нас вечно серьезный, но нам-то с тобой никто не может запретить валять дурака, правда, Патти? – Я легонько подбрасываю собачонку, как ребенка. Глаза у нее молочно-голубые. – У меня просто в голове не укладывается, как сильно она постарела.

– Время обычно оказывает именно такой эффект, – сухо замечает Том, но смягчается, когда я вскидываю на него глаза. – Ей сейчас тринадцать. А кажется, что ты только вчера придумывала для нее имя. – Он опускается на верхнюю ступеньку и устремляет взгляд в сторону улицы. – Почему ты в первый раз проехала мимо?

Я все еще одним глазом поглядываю на островок темноты позади него. Наверняка оттуда вот-вот вынырнет Меган. Так долго мы с Томом наедине не оставались еще ни разу. Мне совершенно необходимо спасительное появление Джейми.

Я до сих пор не пришла к окончательному выводу, какие у Тома волосы: цвета карамели или цвета шоколада. И то и другое вкуснятина. А текстурой они напоминают женский роман, который упал в ванну, а потом высох: сексуально волнистые и растрепанные, местами загибающиеся в разные стороны. Мне очень хочется запустить в них руку и осторожно сжать ее в кулак.

А эти мышцы? Меня бросает в пот.

– Ты до чертиков меня напугал. Я думала, это... – Я прикусываю язык и принимаюсь качать Патти на согнутой коленке. – Господи, какая же она милашка!

– Ты думала, это кто?

Его хрипловатый голос становится еще ниже, и под ложечкой у меня начинает еще сильнее сосать от страха. Большие мужчины могут быть так небрежно безжалостны.

Достаточно взглянуть на размер этих ботинок. На эти кулаки. Он с легкостью мог бы убить человека. Но потом я накладываю поверх его взрослого силуэта восьмилетнего мальчика и вспоминаю Валеску – и выдыхаю.

– Один придурок, которого я выставила из бара. Seriously, Том, меня чуть инфаркт не хва...

Вот черт! Теперь его взгляд прикован к моей груди.

– Не смей! – приказываю я твердо, и он, сгорбившись, принимается ковырять пальцем носок своего ботинка.

Он знает правила. Квохтать надо мной запрещено.

– Я имею полное право беспокоиться, сколько мне хочется, Принцесса, – бурчит он, уставившись себе под ноги. – И ты не можешь мне это запретить.

– Меня никто больше не зовет Принцессой. Ну какая из меня принцесса?

Я опускаю Патти на траву. Том быстрым взглядом окидывает меня с ног до головы и отводит глаза. Ответ на этот вопрос надежно скрыт в его черепной коробке и в том, как ползет вверх уголок его губ.

Меня вдруг охватывает нестерпимое желание вытянуть из него этот ответ. Даже если ради этого придется вцепиться в него мертвой хваткой и давить что есть сил.

Медленно поднимаюсь на ноги, чтобы не начало колотиться сердце, потом смотрю на наклейку на боку черного фургона. И тут до меня доходит.

– «Ремонтно-строительные работы Валеска». Черт побери! Ты свободен.

– Угу, – говорит он таким тоном, словно в чем-то признается, и, прищурив один глаз, вглядывается в мое лицо.

– Ты все-таки это сделал! – По моему лицу расплывается неукротимая улыбка. – Ты ушел от Альдо. Том, у меня просто нет слов, как я тобой горжусь.

– Не слишком-то гордись раньше времени, – замечает он, отворачиваясь чуть в сторону, чтобы я не видела, что он польщен. – Пока я ничего еще не сделал.

Когда Альдо приезжал к нам, чтобы осмотреть дом и оценить фронт работ, то заявил, что знает, где можно по сходной цене взять напрокат бульдозер. Это все, что вам нужно знать об уровне его такта при обсуждении имущества нашей покойной бабушки. Джейми посмеялся над этой шуткой, и это все, что вам нужно знать об уровне такта Джейми.

Я напомнила им обоим: вообще-то, Лоретта в своем завещании указала, что дом следует отремонтировать, и даже заложила на это определенный бюджет. Веселье прекратилось. Альдо издал тяжелый вздох и принялся заполнять бумаги на получение разрешения на ремонт от муниципалитета, несколько раз пожаловавшись на то, что у него не пишет ручка. Я вручила ему другую, и он, прищурив налитые кровью глаза, внимательно посмотрел на меня:

– Ремонтировать этот дом можно исключительно из любви к искусству. Это решение – одна огромная дорогостоящая ошибка.

– Не твое дело, Шерлок! Пиши давай.

Почему Лоретта завещала нам с Джейми продать дом? Неужели ей никогда не приходило в голову, что я захочу прожить здесь всю свою жизнь, упиваясь собственным одиночеством? Между близнецами все полагается делить поровну.

– Пожалуй, Альдо преподал тебе самый важный урок за всю твою карьеру. – Я делаю паузу, пока Том переваривает услышанное. – Как не надо делать.

– Верно. – Том слабо улыбается, глядя на наклейку на своем грузовичке. – Когда я сомневаюсь, как поступить, я всегда спрашиваю себя, как поступил бы Альдо.

– И поступаешь строго наоборот. Ты знаешь, что он как-то раз схватил меня за задницу? В тот раз, когда мы с Джейми приехали к тебе на твою самую первую стройку. Мерзкая скотина! Мне тогда едва исполнилось восемнадцать. Совсем еще девочка была.

– Не знал. – На щеках Тома начинают играть желваки. – Надеюсь, ты сломала ему руку?

– Повезло тебе, что не пришлось помогать закапывать его труп. Ведь ты бы не отказал мне в этой просьбе?

Ничего не могу с собой поделать, но я должна знать, могу ли по-прежнему призвать Валеску на помощь, хотя и не следует этого делать. Ведь теперь он принадлежит Меган.

– У меня в багажнике есть лопата. – Он кивает в сторону машины.

Это пугающее и одновременно восхитительное чувство – знать, что он не шутит. Если бы я попросила, он вырыл бы яму голыми руками.

– Я знаю, что Альдо – скотина, но он дал мне мой первый шанс. У меня вариантов было совсем не густо, мягко выражаясь. В отличие от вас с Джейми. – Том выпрямляется и ставит ноги ровно, как пай-мальчик. – У меня на стройке никто никого за задницу хватать не будет.

– Ну, тут еще надо посмотреть, кто кого будет хватать, – тяну я задумчиво и тут же прыскаю, когда Том делает страшные глаза. – Знаю-знаю. Ты настоящий профессионал. Моя задница в полной безопасности.

– Я хочу, чтобы все было идеально.

В детстве Том выиграл конкурс по раскрашиванию. Этот дом – эквивалент того конкурса для больших мальчиков.

– Не сомневаюсь, что так оно и будет.

Смотрю на плечи Тома – футболка держится из последних сил. С тех пор как мы с ним в последний раз виделись, он стал совсем огромным. Он всегда был высоким и мускулистым, но это уже следующий уровень. Все это время он пахал до седьмого пота.

– Ну и чего ты ждешь? Готова поспорить, у тебя есть ключи. Да начнется ремонт!

– Я бы начал с утра, если ты не против. – Он одновременно смеется, стонет и потягивается, будто лежит навзничь на постели, а не на разошедшемся крыльце. – Ключи у меня есть. Но я же знаю, как ты ревностно оберегаешь свои... границы.

Он произносит слово «границы» с таким выражением, словно выбрал его из нескольких возможных вариантов. Вот вечно он так: обронит какое-то обрывочное замечание о том, что я, по его мнению, собой представляю, а потом умолкает до тех пор, пока Меган не поболтает на пальчике ключами от машины, и исчезает на следующие полгода.

Это обрывок всегда лишь раздраживает меня, и, как обычно, я сцепляю зубы и заставляю себя не наседать на него. Я так потею, что майка липнет к спине.

Мы смотрим, как Патти бежит по усыпанной опавшими листьями лужайке, что-то вынюхивая. Потом приседает было, но тут же передумывает.

– Другого времени для этого, конечно, найти было нельзя, – устало вздыхает Том. – У нее был почти час на то, чтобы сделать все свои дела.

– Ну все, теперь мне хочешь не хочешь придется искать паспорт. Он точно где-то в доме, но Лоретта куда-то его спрятала.

Я щелкаю пальцами, подзывая Патти. Мне отчаянно необходим мой маленький буфер. Опускаюсь на ступеньку рядом с Томом.

– В крайнем случае закажешь новый, – говорит Том с похоронным выражением лица.

– В старом все мои штампы. Он для меня – что-то вроде памятного альбома о моих путешествиях. – Я вскидываю глаза к небу и произношу, обращаясь к Лоретте: – Мне нужно свалить отсюда. Верни паспорт.

– Может, она хочет, чтобы ты хоть раз задержалась тут подольше.

Он рискует, делая ударение на это «хоть раз».

– Сделаю вид, что ничего не слышала, – предупреждаю я его.

Он молча поднимает глаза к звездному небу и улыбается. Видимо, я предсказуема. Как и мой живот. Внутри меня все искрит.

У него именно такая фактура лица, которая провоцирует меня ляпать всякие глупости. Поэтому именно это я и делаю.

– Каждый раз, когда мы с тобой видимся, я просто не могу поверить, что ты уже не ребенок. Ты посмотри только на себя.

– Да, совсем взрослый.

Его торс выглядит как шоколадка, у которой сквозь фольгу проглядывают квадратики. Представляете себе эту матово-блестящую шоколадную текстуру? Так вот, это в точности его кожа. Мне до смерти хочется провести по этому великолепию ногтями. Начать уже наконец мое еженедельное разнузданное пиршество на Хэллоуин.

Меган, Меган, звон колец. С ней пойдет он под венец. Это заклинание срабатывает не до конца.

Он так крепко сбит, что я постоянно задаюсь вопросом, сколько же он весит. Кажется, мышцы тяжелее жира? В таком случае в нем никак не меньше тонны. В Томе шесть футов шесть дюймов, и вымахал он до этого роста у меня на глазах, но каждый раз, когда я вижу его, это все равно оказывается для меня неожиданностью. Примерно такие же тела у сотрудников спасательных служб. Представьте себе мускулистых пожарных, вышибающих двери, чтобы спасти вас от огня.

– Каким образом ты справляешься со скелетом такого размера? – спрашиваю я, и он озадаченно оглядывает себя. – Я имею в виду, как ты координируешь все четыре конечности и умудряешься передвигаться?

Мой взгляд возвращается к его плечам и скользит ниже, по всем этим округлостям и плоскостям, по впадинкам и затемнениям, по складкам на плотном хлопке.

Я задерживаю взгляд на его ремне, который даже не представляет себе, как ему повезло быть обернутым вокруг такого великолепия, и на черной резинке трусов, интригующе выглядывающей из-под ремня. Щеки у меня начинают пылать, а стук сердца оглушительно отдается в ушах, и...

– Дарси, подними-ка глаза.

Ну вот, он поймал меня с поличным. Впрочем, я особо и не маскировалась.

– Мы с моим скелетом ладим вполне неплохо. А теперь расскажи мне, что за напасть приключилась с крыльцом?

Я пытаюсь придумать, как ему это объяснить. Что случилось с домом? Наверное, я была никудышной хозяйкой и довела его до полной разрухи. Вот хотя бы эта болтающаяся доска. Давным-давно надо было взять молоток и прибить ее.

– У меня есть теория, что все тут держалось на магии Лоретты. – Я энергично потираю ладонями бедра, чтобы не защипало в носу.

Он всегда чувствует, когда нужно сменить тему.

– А что случилось с твоими волосами? Твоя мама сообщила мне.

– Кажется, она позвонила всем, кого знает. Устроить такую истерику из-за какой-то стрижки! «Ох, Принцесса, ну зачем?» – передразниваю я и как можно небрежнее провожу ладонью по волосам.

Короткий мальчишеский «ежик» приятно щекочет пальцы. Я скрещиваю ноги, и мои обтягивающие кожаные штаны возмущенно скрипят. Провожу по ним рукой с покрашенными черным лаком ногтями. Никогда еще я не походила на принцессу меньше.

Если бы мама узнала, что я проколола себе сосок, то прочитала бы целую лекцию о том, что мое тело – это храм. Прости, мама. Я вбила в себя крюк для картины.

– Она позвонила мне в слезах. Я в тот момент был на крыше. Я решил, что ты... ну, в общем... не важно. – Лоб Тома морщится при воспоминании. – Представь себе мое облегчение, когда я узнал, что Дарси Барретт всего лишь отрезала косу. Ты что, пошла к мужскому мастеру?

– Да, я нашла одного пожилого дядьку, мужского мастера. А что? Не к женскому же было идти? Они там сделали бы мне «пикси» или еще какую-нибудь тошнотворную хрень. А я хотела стрижку под летчика времен Второй мировой.

– Ясно, – говорит Том со смешком. – И как, он умел такую делать?

– Ага. – Я прихлопываю комара. – Но передумал и отказался меня стричь.

– Таких волос ни у кого не было. – Том смотрит туда, где раньше были мои волосы.

Я и не подозревала, что он обращал внимание на мои волосы. Вот черт!

– Он забыл, что женские волосы мягкие на ощупь. Он умолял меня, но я заставила его. Этот звук, с которым ножницы их перерезали... – У меня до сих пор мурашки при одном вос-

поминании. – Казалось, он перерубает жилы. Он молился по-итальянски. У меня было такое чувство, как будто из меня изгоняют дьявола.

– Заставлять напуганных мужчин молиться, – хмыкает Том сухо. – Да уж, ты и в самом деле ни капельки не изменилась.

– Аминь.

Я простираю руки к небу, и моя влажная одежда едва двигается вместе со мной. В результате этих посиделок в обществе Тома Валески я взмокла от вожделения.

В его присутствии меня всегда охватывает неодолимое желание выкинуть что-нибудь этакое. Так было с тех самых пор, как мы оба достигли половой зрелости.

– Обожаю, когда они молятся по-итальянски, – с томным придыханием шепчу я, и Том старательно избегает смотреть мне в глаза. – «Пожалуйста, пожалуйста, синьора Дарси, не убивайте меня».

– Синьора – это ведь обращение к замужней женщине, верно? А ты не замужем.

Голос его звучит слабо, и, когда я искоса бросаю на него взгляд, волоски у него на руках стоят дыбом. Очень интересно.

– Ну разумеется, кто на мне женится. – Теперь настает мой черед сторбиться, поковырять пальцем носок ботинка и сменить тему; получается довольно неуклюже. – Послушай, а что, все вокруг живут в ожидании, что в один прекрасный день им позвонят с вестью о моей безвременной кончине?

Он мнетя, и я воспринимаю это как «да».

– Мама отлично умеет разводить драму по телефону и пересылать фотографии. Тебе она посвятила целый специальный выпуск. – Теперь я старательно отвожу от него взгляд. – Черт побери, Том! – рычу я, обхватив колени руками. – Какого рожна?!

Он отлично понимает, что я имею в виду.

– Прости меня, пожалуйста.

Том сделал своей девушке предложение! Ну наконец-то! Целых восемь лет тянул! Его мать вне себя от счастья. Кольцо купил с бриллиантом в два карата, можешь себе представить? Дарси, ну скажи же хоть что-нибудь? Разве это не потрясающе?

Если бы в тот момент я была на крыше, то непременно рухнула бы оттуда и переломала себе все кости. А так просто пошла и надралась до беспамятства за здоровье молодых. Прекрасные были восемь лет, и что им не жилось спокойно и дальше?

Проснувшись, я обнаружила у себя в телефоне фотографию громадного бриллианта на руке с безупречным маникюром, и меня немедленно вывернуло наизнанку. На свадьбу, которую я должна была снимать в тот день, я опоздала. На банкете подавали сибас, и в зале воняло, как на рыбном рынке. После того как невеста высказалась на тему моего непрофессионализма, меня вывернуло в подставку для зонтов у двери.

Лоретта тем временем все чаще и чаще находила себе какие-то занятия в саду, чтобы скрыть от меня приступы кашля, а Джейми ходил по собеседованиям в поисках престижной работы в городе и проводил со мной все меньше и меньше времени. И вообще весь тот год был совершенно тошнотный, и во рту у меня до сих пор появляется мерзостный привкус каждый раз, когда я вспоминаю его.

– Я не прошу тебя никогда в жизни. Что, самому позвонить мне смелости так и не хватило? Мы что, теперь общаемся через мою маму, да? Разве мы не друзья? – Я пинаю его ботинок носком своего, но удар выходит слабее, чем мне хочется. – Я ослепну от великолепия, когда увижу кольцо?

Это самая близкая аналогия к слову «поздравляю», которую я в состоянии из себя выдавить. Ну или к «Когда она придет?». Я даже отправила им поздравительную открытку. Они, наверное, животы надорвали себе от смеха, воображая Дарси Барретт в отделе «Холлмарка».

Том открывает рот, чтобы ответить, но отвлекается на машину, которая проползает мимо дома на черепашьей скорости. Это крутая тачка, массивная и с низкой подвеской. Рокоча двигателем, она притормаживает перед домом.

У меня возникает нехорошее чувство, что я знаю, кто это. И Тому он не понравится.

Глава 4

Том приподнимается со своего места, и машина, ускорившись, с визгом уезжает прочь. Хорошо было бы иметь такой же большой и внушающий уважение силуэт. Моя жизнь сразу стала бы намного проще.

– Кто это был? – Том опускается обратно на ступеньку.

Это был Винс, решивший, что ему будут тут рады.

– Без понятия.

Отправляю в рот маршмеллоу, чтобы был законный повод не продолжать этот разговор. Том знает, что я вру, и, когда он начинает возмущаться, я засовываю маршмеллоу и ему в рот тоже. Он недоволен, но не может удержаться от смеха. Я ощущаю мимолетное прикосновение его губ к своей ладони. Хм, а не такой уж и поганый сегодня вечер!

Он устремляет взгляд на мой ботинок, и свет уличного фонаря создает иллюзию черного провала под его скулой. Руки у меня так и чешутся схватить камеру. Его взгляд скользит вверх по моим ногам, и его ресницы отбрасывают на щеку темную полукруглую тень. Потом, когда его глаза отыскивают мои и в них загорается искорка, в его голове возникает еще какая-то мысль про меня. И тогда он отводит глаза.

Всего одна секунда – и мое сердце начинает трепыхаться, точно вытащенная из воды рыба.

– Можно я тебя сфотографирую? – бухаю я.

– Нет, – отвечает он, мягко и терпеливо, как и бесчисленное количество раз прежде.

Он понятия не имеет, какое у него лицо. Его необходимо затаскивать на рождественский снимок, где он будет стоять столбом позади Меган с неубедительной улыбкой на лице, которая выражает скорее тревогу, чем радость.

Ах да. Ведь это именно на меня, скорее всего, будет возложена высокая честь снимать его в парадном костюме у алтаря.

– Ну, ладно. Все равно портретной съемкой я в последнее время практически не занимаюсь. – Я сцепляю пальцы и пытаюсь ничем не выдать своих чувств.

Дарси, возьми себя в руки. Он не виноват, что появился на свет с твоим любимым строением лица. Он милый, застенчивый парень, чистое золото. Чужой жених. А ты – до сих пор не вышедшая из подросткового возраста зараза. Оставь его в покое.

Том совершенно ушел в себя. Темы для разговоров стремительно иссякают. Работа – безопасная зона.

– Значит, ты наконец-то сам себе начальник. Как это воспринял Альдо?

Он с облегчением фыркает:

– А ты как думаешь?

– Теперь ему придется самому поработать руками. Да, боюсь, разговор был не из приятных.

Чувствую, как меня прямо-таки распирает от желания защитить его. Я словно бы даже физически становлюсь больше. Грознее.

– Может, мне поехать к нему и заставить перед тобой извиниться?

Тома моя воинственность только смешит.

– Не злись.

– Не могу. Тебя вечно все используют. Даже мы.

Под «мы» я имею в виду нас с Джейми.

– Вы никогда меня не использовали.

Он откидывается назад, опершись ладонями о крыльцо и вытянув длинные ноги. Я тоже отклоняюсь назад, только ради того, чтобы почувствовать наши тела в сравнении. Рядом с

его лапищей моя рука кажется лапкой чихуахуа. Мой ботинок находится где-то в районе его голени. Я поворачиваю голову. Мое плечо? По сравнению с его плечом оно все равно что перевернутая кружка рядом с баскетбольной корзиной.

Меня нельзя назвать миниатюрной, но рядом с ним я почему-то начинаю чувствовать себя размягченной. Маленькой и легкой. Принцессой. Нахмурившись, я выпрямляюсь и усилием воли загоняю себя обратно в жесткие рамки.

– Альдо хотел задвинуть ваш дом ради другого, более выгодного и легкого заказа. Я сказал, что откладывать больше нельзя. Если вы передумали его ремонтировать, то я попал, – говорит он почти весело, хотя какие уж тут шутки. – Я забрал с собой почти всех ребят.

– Не волнуйся, все в силе. Приведи дом в порядок, чтобы я могла наконец с чистой совестью свалить отсюда.

Он забрал с собой бригаду? Не могу себе представить, чтобы он пошел на такой решительный шаг. Потом краешком глаза кощусь на его мощную фигуру и понимаю, что, пожалуй, могу.

– Поверь, без регулярной зарплаты живется очень странно. – Я легонько толкаю его в плечо своим плечом, с трудом удержавшись от того, чтобы не привалиться к нему. – Спасибо, что выбрал нас, а не его.

– И тебе спасибо. За то, что... э-э... наняла меня.

– Ах, так, значит, я теперь твоя начальница?

Дофаминовая волна захлестывает меня, и в моей голове роится множество шутливых фразочек, которые я могла бы пустить в ход, но тут перед глазами встает лицо Меган, и я прикусываю язык. Дразнить его – это мой олимпийский вид спорта, выступить в котором удастся раз в четыре года. Но очень скоро он станет ее мужем.

– Можешь считать нас партнерами по бизнесу.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – Том смотрит на меня со странным выражением.

– Прекрасно, а что?

Он поднимается на ноги:

– Я готовился получить порцию твоих фирменных подколок. Как тебе удалось от них удержаться?

Он протягивает мне руку и вздергивает на ноги с такой легкостью, что я на мгновение отрываюсь от земли.

Я вздыхаю: ну вот, лишилась очередного удовольствия в жизни.

– Я официально ухожу на покой. По понятным причинам.

Поднимаюсь на пару ступенек, чтобы наши глаза были на одном уровне. Патти по-прежнему бежит по саду.

– Давай побыстрее! – кричу я ей, обхватывая себя руками. – Я уже заковенела.

– А это что такое? – Том замечает красную отметину на моем запястье.

У него всегда было обостренное чутье на опасность.

– Да так, аллергия на новые духи.

Том тянется взять меня за запястье, но останавливается, когда нас разделяет всего один дюйм. Он раздвигает пальцы в воздухе и прикидывает размеры отметины. Он явно зол, чтобы не сказать – в бешенстве. Лицо его перекашивается от ярости. Странно, что небо не заволочилось черными грозовыми тучами и в них не сверкают молнии.

– Кто это сделал?

– Да не шуми ты. – Я прячу руку за спину и запикиваю в рот очередную маршмеллоу. – Оно выглядит страшнее, чем есть на самом деле, – произношу я с набитым воздушным сахарным облаком ртом и сама понимаю, как ужасно это звучит.

– Кто это сделал? – повторяет Том, и его глаза становятся сверхъестественного оранжевого цвета.

Он смотрит в сторону улицы. Кажется, он готов броситься в погоню за черной машиной. Он готов перегрызть Винсу горло.

Почему никто, кроме меня, не замечает этого зверя, который живет внутри его?

– Нет, это не тот парень. Это один идиот с работы. Я уже объяснила ему, что больше так делать не стоит.

С языка у меня уже готово сорваться мое всегдашнее: «Я способна сама за себя постоять». И он это знает. Обмениваемся такими взглядами, как будто друг друга ненавидим.

Я чувствую, как внутри у Тома все бурлит. У него есть свои мысли и свое мнение, но он заставил себя проглотить их, и на вкус они ему явно не понравились. Наверное, он сейчас думает, что сделал бы с тем, кто хоть пальцем тронул бы Меган. Мало бы этому бедняге не показалось.

– Скажи мне, если до него с первого раза не дойдет, – наконец выдавливают Том и отодвигается от меня подальше.

Есть вещи, которые он во мне не одобряет. Моя беспорядочная жизнь пугает его до чертиков.

Я тоже пытаюсь обуздать свой гнев, но сердита я по другой причине. Готова поручиться, что у Меган не хватает ума понять, какое сокровище ей досталось. Она сейчас наверняка дома чистит перышки, намазывает себя всякими кремами, отбеливает кутикулы и увлажняет фолликулы, или что там делают с собой все ухоженные женщины. Она ведь косметолог, а кто пойдет к косметологу, который не следит за собой. Готова поручиться, она сейчас разглядывает свое отражение в зеркале.

А ее жених тем временем брошен без присмотра, точно яблочный пирог на подоконнике, а ведь в мире полным-полно невменяемых сладкоежек вроде меня. Эта ее проклятая беспечность всегда выводила меня из себя.

Был бы он мой... Нет, нельзя думать в этом направлении.

Челюсть у меня сводит от усилий, которые я прикладываю, чтобы не ляпнуть это вслух.

Валеска стряхивает снег со своей шерсти. Я – со своей. Он взмахивает в воздухе старым брелком:

– Смотри, что у меня есть.

– Ничего себе, вот это привет из прошлого!

Этот брелок Тому подарила Лоретта, когда мы были детьми. На нем кот Гарфилд в наушниках, а рядом с ним пес Оди с разинутой в лае пастью. Украшает брелок надпись «МОЛЧАНИЕ – ЗОЛОТО». Так Лоретта прозвала Тома: Золото. Я у нее была Сладенькой, а Джейми – Соленьким.

Когда мы росли, прозвища были повсюду. Принц, Принцесса. Тома же наш отец называл прозвищем, которое льстило ему и вгоняло в краску: Тигр. Может быть, он все-таки знал, кого мы привели в дом в тот вечер.

– Мне приятно, что у тебя есть ключ, – говорю я первое, что приходит в голову. – Возможно, этот брелок обладает коллекционной ценностью.

Беру у него ключ с Гарфилдом, чтобы открыть дверь, и он ковыряет ногтем отверстия от шурупов, которыми когда-то была прикручена к двери табличка «Свадебная фотостудия Барретт». Наверное, он сейчас думает о том, что мне не доведется снимать его свадьбу.

– Да-да, мне жаль, что так получилось.

На самом деле мне и жалко и не жалко.

Я толкаю дверь коленкой, и она открывается. Теперь его взгляд устремлен на уцелевшую табличку, на которой написано «MAISON DE DESTIN». Ее повесила Лоретта, чтобы с порога создать атмосферу для клиентов, которые приходили к ней погадать на Таро. *О-о, что-то про судьбу, да еще и по-французски. Шикарно.* Том с ностальгией во взгляде проверяет, крепко ли держится табличка.

– Мне очень ее не хватает, – признается он.

Мы оба, загрузив, умолкаем до тех пор, пока Патти, пыхтя и чихая, не начинает топтаться по нашим ногам. Спасибо тебе, маленькое животное.

Я шелкаю ближайшим ко мне выключателем, и первое, что мы видим в свете вспыхнувшей лампы, – мое нижнее белье. Над камином на гвоздиках, к которым мы когда-то давно прицепляли перед Рождеством носки для подарков, развешаны для сушки мои кружевные черные лифчики.

– Да, – произносит Том, немного помолчав. – От такого бедного Санту хватил бы удар. Я со смехом бросаю ключи на кофейный столик:

– Не ждала гостей.

Эхо машины Винса очередной ложью проносится по комнате. Патти решительно устремляется куда-то по коридору.

– Налъешь лужу в доме – тебе несдобровать! – кричит Том ей вслед.

Я собираю лифчики и кучей сваливаю их в кресло.

– Господи, ну и вечер сегодня выдался! Хорошо, что ты здесь.

Вытащив бутылку вина, я краем своей майки пытаюсь открутить пробку.

Том протягивает руку. Для него это было бы плевым делом.

– Давай я открою.

– Я сама прекрасно справлюсь. – Я обхожу его и скрываюсь в темной кухне; если только я дам слабину, он немедленно начнет пытаться все делать за меня – режим Принцессы. – Выпьешь со мной? Или хорошим мальчикам вроде тебя пора в постельку?

Его брови сходятся на переносице.

– Хорошие мальчики вроде меня встают в пять утра.

– А плохие девочки вроде меня в шесть утра только ложатся. – Я ухмыляюсь при виде того, как он в отчаянии качает головой и тянется к выключателю на стене, но я перехватываю его руку. – Осторожно, током долбанет.

– Серьезно? Тебя долбануло током?

Он в смятении смотрит на мою грудь. Там, внутри, скрывается одна-единственная на свете вещь, которую он не способен починить.

– Нет. Я учусь на ошибках Джейми.

Твою мать! Ай! Дарс, хватит ржать! Это было больно!

Мои губы против воли разъезжаются в широкой улыбке.

– Улыбаться при мысли о том, как ее родного брата ударило током! – Том изо всех сил старается придать лицу укоризненное выражение, но у него ничего не выходит. – Ай-ай-ай, какая плохая девочка!

– Да не говори, ужас просто. – Я нажимаю на выключатель деревянной ложкой. – Так, чур, ты только не очень пугайся.

Я наблюдаю за тем, как он внимательно оглядывает комнату: потолок со следами многочисленных протечек, отошедшие пузырями обои, половицы, которые ходят ходуном под ногами. Я ко всему этому привыкла, но теперь отчетливо вижу весь масштаб разрухи.

– Можешь рассказать, из-за чего вы с Джейми поссорились? Его версию я знаю. Теперь хотел бы услышать твою.

Том отворачивается и скользит взглядом по трещине в стене. Пока он не видит, я у него за спиной без единого звука выпиваю целый бокал вина. Когда он поворачивается обратно, бокал у меня уже снова полный. Идеальное преступление.

– Что я могу сказать? Язык мой – враг мой, – изящно ускользаю я от ответа.

– Ясно, – смеется Том, открывая кухонный кран.

Тот плюется и шипит, а когда Том заворачивает вентиль обратно, до нас доносится звонкий стук капель. Том заглядывает под раковину и обнаруживает там пластмассовое ведро.

– О господи!

У него тренькает телефон, он бросает взгляд на экран и улыбается краешком губ. Потом начинает набирать ответ. Наверное, это что-то вроде: «Мег, все в порядке, добрался благополучно. Скучаю по тебе».

У меня перехватывает горло. Больше всего мне сейчас хочется вырвать этот чертов телефон у него из рук и спустить его в унитаз до самых очистных сооружений. Я делаю глоток вина, и это немного помогает.

– Итак, день, когда я страшно разозлила Джейми. С чего же начать? Мы доводили друг друга до белого каления. Жить в соседних комнатах было легко в детстве, когда у нас был ты на раскладушке в качестве медиатора.

Однако в отсутствие буфера мы постоянно ругались и спорили. Джейми считал, что нам нужно переехать в город. Я хотела остаться. Выкупить его долю у меня не было денег. Все это походило на перетягивание каната, и настоять на своем у меня не было никакой возможности, поскольку, как сказала мама, Лоретта хотела, чтобы мы привели коттедж в порядок и продали его, а деньги поделили. «Считай этот дом чем-то вроде кубышки», – сказала мама, пытаюсь меня утешить.

Не нужна мне никакая кубышка, ответила ей я. Слишком дорогой ценой она мне досталась. Мама была полна сочувствия. *Мне очень жаль, Принцесса. Я знаю, как много она для тебя значила. Это ее способ показать тебе, как много ты значила для нее.*

– В общем, как-то раз в воскресенье утром к нам в дверь постучали. Джейми ушел на пробежку. Было очень рано, а я накануне вечером очень сильно... устала.

Он бросает взгляд на мой бокал.

– Ладно-ладно, было около одиннадцати утра, а я накануне перепила и маялась ужасным похмельем. На пороге стоял какой-то невероятный красавчик, протягивая мне свою визитку. Я решила, что сплю и вижу эротический сон.

– Пока что все в точности совпадает с версией Джейми.

Том открывает защелку кухонного окна, слегка приподнимает верхнюю створку, а потом, покачивая, тянет вверх до упора. Только тот, кто практически вырос в этом доме, может знать эту маленькую хитрость.

– Я все собирался починить это окошко, да так и не собрался.

Теперь его взгляд становится печальным. Своих родных бабу с дедом он никогда не знал. Я рада, что у него были хотя бы наши.

– Лоретта сказала бы тебе, не надо чинить то, что не сломано.

Вино теплым атласом переливается в моих венах. Я умудряюсь налить себе третий бокал. Том считает, что это второй. Ха!

– Значит, ты подумала, что спишь и видишь эротический сон, – напоминает мне Том.

Очнувшись, я понимаю, что стою перед раскрытым холодильником и бессмысленно таращусь в пустоту. Чем мне кормить его на завтрак? Такому телу необходим белок. Пиршественный стол викингов, кружки с элем, потрескивающий в очаге огонь. Шкура собственноручно убитого им зверя, опоясывающая его чресла. Я, совершенно обессиленная, в изнеможении вишу на его руке, и все равно хочу продолжения.

Заливаю в себя вино и захлопываю холодильник.

– Эротический сон, – снова напоминает Том.

Вино брызгает у меня изо рта прямо на дверцу холодильника. Теперь мой просроченный счет за телефон напоминает акварель.

– Ну вот, он ведет меня на лужайку и начинает разливаться соловьем, как он соболезнает мне по поводу Лоретты и все такое прочее. Он говорил так, как будто был с ней знаком. Несмотря на то что он со мной заигрывал, я поняла, что никакой это не эротический сон,

потому что он был в одежде. Потом он начал втирать мне, как плохо выглядит коттедж. Тогда я поняла, что он девелопер.

– Дуглас Франзо из «Шепли групп», да?

– Угу.

Джейми, наверное, рассказывал это Тому уже раз сто. *Дуглас Франзо собственной персоной! Сын генерального директора! Важный! Богатый! Влиятельный!*

– Я попросила его уйти.

– По словам твоего брата, – произносит Том, сопя, потому что одновременно пытается опустить заедающую створку обратно, – ты вспыхнула и разорвала контракт в клочки. А потом гналась за его машиной до самого угла Саймонс-стрит босиком и в одном халате на голое тело.

– Значит, эту подробность ты запомнил, да? – Я пытаюсь пустить в ход взгляд жоака стаи, но на этот раз он не отводит глаза.

Одна секунда превращается в две. Потом в три. Я утыкаюсь взглядом в свой бокал.

– Ты же знаешь, я терпеть не могу, когда ты принимаешься сравнивать наши версии. Зачем тебе вообще понадобилось меня спрашивать, если ты и так знаешь, как все произошло? Джейми примчался со своей пробежки весь в мыле и наорал на меня. «Какого дьявола?» – вопил он. Все, остальное ты знаешь.

Надеюсь, мой братец не стал рассказывать все до конца. На этой самой кухне тогда разразилась Третья мировая война. Когда он ушел, потому что опасался, что не сдержится и убьет меня, я присела на корточки и принялась подбирать с пола осколки парадного бабушкиного сервиза, который мы расколошматили в пылу выяснения отношений. Мы швыряли друг в друга тарелку за тарелкой, пока не осталось ни одной целой.

Еще одна прекрасная вещь, которой близнецы Барретт не заслуживали. *Да кем ты вообще себя возомнила?*

Том бросает на меня взгляд, в котором явственно читается «не брюзжи», и принимается носком ботинка ковырять плинтус. Все, к чему он прикасается, шатается и ходит ходуном.

– Я не верю всему тому, что рассказывает про тебя твой брат. Мне кажется, он выдумывает.

– А потом ты поймешь, что это чистая правда, и твои иллюзии в очередной раз развеются как дым.

– Про иллюзии я ничего не знаю. Зато я много лет знаю тебя.

Третий бокал вина отправляется следом за первыми двумя.

– Джейми ползал по дорожке, собирая обрывки договора. Потом склеил их. Можешь себе представить?

– Вполне. Думаю, его мотивировал значок доллара.

– Он организовывал встречу с тем чуваком, из кожи вон лез, даже корзину с фруктами ему послал. А я все испортила.

– И насколько я вообще тебя знаю, ни капли об этом не жалеешь, – говорит Том.

Прислонясь к сломанной плите, я смотрю, как он с задумчивым выражением лица обходит кухню. Что он ищет? Хоть что-то, что не требовало бы ремонта?

– Ну и какие твои ближайшие планы? – спрашивает он.

– Я помогу подготовить дом к ремонту, а потом улечу отсюда первым же самолетом. Куда угодно. – В его глазах мелькает сомнение, и я пожимаю плечами. – Я серьезно. Посмотрю, куда можно улететь задешево, чтобы там было тепло и не нужна была виза. А ты куда планируешь податься?

Слова «на медовый месяц» я опускаю, потому что в моих устах они прозвучат как отрывка. Я представляю себе Тома с Меган, лежащих на пляже. Потом мысленно вырезаю из этой картинке Меган.

– Найду что-нибудь подешевле и переберусь туда. Я всегда так делаю.

– Да что ты все про работу! Найди отель с хорошим бассейном, – сквозь зубы предлагаю я.

Дарси-подросток имела привычку сидеть на краю бассейна и смотреть, как он плавает, считая круги. Впрочем, со счета я очень быстро сбивалась, загипнотизированная ритмичностью, с которой он вскидывал голову из-под воды, чтобы сделать глоток воздуха. Лишь несколько лет спустя до меня дошло, что в животе у меня от этого зрелища екало потому, что оно было безнадежно эротическим.

– Ты же не бросил плаванье, нет?

– Да года два уже как бросил. – Том в задумчивости поводит плечами. – Времени нет. А потом что будешь делать? Найдешь себе съемное жилье? – Он морщит нос. – Сделай мне одолжение, подыщи себе что-нибудь попримечнее.

– Не знаю. Я уже привыкла не иметь постоянного адреса. Для барахла я арендую хранилище, а жить, когда вернусь, буду в нашем пляжном домике.

Очень надеюсь, что мое высказывание не прозвучало как: «Я постоянно путешествую, как избалованный ребенок, а в перерывах живу у мамочки с папочкой на всем готовеньком, будто у Христа за пазухой».

– Я перестроил твоим родителям заднюю террасу. Она была для них слишком мала. – Очень в духе Тома – бросаться гнуть спину на Барреттов по первому же свистку. – Уверен, они сейчас там, целуются под луной.

– Фу, гадость какая! Не исключено. – (Мои родители до сих пор не утратили интереса друг к другу, назовем это так.) – И ты даже в океане не плавал, когда делал там ремонт?

– Мне это в голову не пришло, – отзывается Том со слегка удивленным видом. – Елки-палки!

– Вода – твоя стихия. В следующий раз обязательно поплавай.

Я возвращаюсь обратно в гостиную и плюхаюсь на диван. Откуда-то, топоча как динозавр, трусит Патти с карандашом в зубах. Придется мне все-таки задать Тому неудобные вопросы, чтобы не висели над душой.

– Куда вы решили поехать в свадебное путешествие? – Молчание, и я делаю еще один заход. – Я побывала везде. Могла бы помочь вам с организацией поездки.

Он избегает смотреть мне в глаза, и я понижаю на своем диване. Может, если я не соглашусь быть фотографом у них на свадьбе, меня вообще не станут приглашать. Так и представляю себе, как мама мягко объясняет мне положение вещей. *Скромная свадьба в интимном кругу. Только ближайшие родственники и друзья.*

Твою мать! Так вот в чем дело. Я в число приглашенных не вхожу, и он пытается сообщить, как донести это до меня.

Том между тем перемещается в столовую и отваживается включить свет. Теперь там располагается моя маленькая домашняя фотостудия. У стены свалены коробки с товаром, который мне предстоит отснять.

– Это то, чем ты сейчас занимаешься?

– Угу.

Я запускаю руку в пакет с маршмеллоу. Пора заткнуть сосущую пустоту внутри. Включаю старенькую стереосистему Лоретты на случайное воспроизведение, и начинает играть *The Cure*. Пустота разверзается еще шире, и я сладострастно принимаюсь жалеть себя.

– Кружки, – с сомнением в голосе произносит Том. – Ты фотографируешь кружки для интернет-магазинов? Я был совершенно уверен, что Джейми это выдумал.

– Это правда. – Я набиваю рот сладкой белой пеной и отхлебываю вина, чтобы все это растворить. – И не только кружки. А вот в эту лучше не заглядывать, – предупреждаю я Тома, когда он принимается открывать коробки.

– А что там? – Он приподнимает крышку. – Э-э, ясно.

– Ты не представляешь себе, как сложно правильно выставить свет, чтобы сфотографировать десятидюймовый лиловый дилдо.

– Уверен, это за гранью человеческих возможностей.

Он шокирован до глубины души. Это так мило. Он вновь смотрит вниз, не в силах противостоять искушению.

– Не лезь в эту грязную коробку, Том, придется потом мозги полоскать с хлоркой.

У меня такое ощущение, что ему очень этого хочется.

Я отдала бы свое левое предсердие за то, чтобы узнать, что он подумал про весь этот силикон. Что почувствовал. Отвращение? Интерес? Гордость за то, что скрывается в его темно-синих брюках карго? В его глазах, когда он вскидывает их на меня, прочесть невозможно ровным счетом ничего. Он поспешно придает своему лицу выражение крайнего неодобрения.

Господи, какой хороший мальчик! Я по-акульки ухмыляюсь:

– Иногда мне разрешают оставить кое-что себе. – Некоторое время наблюдаю за тем, как он мечется по комнате, натываясь на мебель и стены, точно гигантский мяч для пинбола, потом, сжавшись над ним, роняю: – У меня уже скопилась целая куча кружек.

– Кружек, – повторяет он, как будто они первопричина всех несчастий этого мира. – Не думаю, что они – твое... призвание. Ты же гений портретной фотографии.

– Наоборот. Я нынче гениально фотографирую печальные портреты сексуальных игрушек. – При виде выражения его лица я пожимаю плечами. – Послушай, я просто фотографирую то, что мне присылают. Все до единой предметные фотографии в Интернете – мои.

Язык у меня пьяно заплетается, и я понимаю, что он это слышит.

– Люди не думают о том, кто делает фотографии, а просто кликают на картинку и складывают эти несчастные дилдо в корзину.

Выгнув спину, я расстегиваю лифчик и со стоном сгорбливаюсь обратно. Лифчик я вытаскиваю через пройму майки и бросаю поверх кучи тех, что не так давно свалила на кресло. Том все это время старательно отводит взгляд.

Вот только я не могу отделаться от ощущения, что краешком глаза он внимательнейшим образом наблюдал за процессом.

Глава 5

Не могу удержаться и не ковырнуть мою ранку еще раз. У меня нет ощущения, что Том отругал меня за мое поведение как полагается. Я заслуживаю нотации.

– Джейми заявил: даже Лоретта сказала бы, что я ненормальная, если разбрасываюсь такими предложениями. Возможно, я отреагировала бы по-другому, если бы знала, что из-за него потеряю брата.

Ух ты! Я произнесла эти слова вслух, и голос у меня даже не дрогнул.

– Ты не потеряла его, – говорит Том таким сочувственным тоном, что мне немедленно хочется разрыдаться. – Ты просто его разозлила.

– Я столько раз видела, как он вычеркивает людей из своей жизни, но никогда не думала, что когда-нибудь окажусь в их числе. Помнишь того парня, с которым он вместе работал? Гленна? Он потребовал у него вернуть долг, когда его жена лежала в роддоме!

– Да. Потому что Гленн получил должность, на которую метил он сам. Он невероятно добр к тем, кто входит в его ближний круг...

– Ага, – фыркаю я, – только этот круг просто микроскопический.

– Но стоит лишь сказать ему слово поперек, или задеть его самолюбие, или сделать что-то, что он сочтет предательством, как он превращается...

– В ледышку. Он ледышка. Прямо как я.

– Ты огонь, – не раздумывая, отвечает Том. – Вы с ним полные противоположности друг другу.

Ну вот, опять. Еще один неожиданный взгляд на меня. Любой, кто видел меня сегодня вечером на рабочем месте, сказал бы, что я Снежная королева.

– Я хочу быть льдом.

– Поверь мне, в этом нет ничего хорошего. Пожалуйста, оставайся пылкой. – Он со вздохом замолкает; видимо, думает о чем-то грустном. – И вообще, я не хочу, чтобы ты считала, что поступила неправильно. Неужели ты хотела, чтобы на месте этого дома появился жилой комплекс? Вопреки ее последнему желанию?

– Разумеется, нет. Ладно, что теперь об этом говорить. Я так разозлила того чувака, что он выбрал другую улицу. Скажем так, я больше не могу заглянуть к соседям за сахаром. – Я делаю глоток вина. – Основная претензия ко мне как к сестре-близнецу заключалась в том, что я приняла решение единолично. Не посоветовавшись предварительно с братом. Это смертный грех.

– Да, это серьезное испытание его братских чувств.

Том знает больные места моего брата ничуть не хуже, чем я. Основных три: деньги, верность, решения.

Жалкие остатки моего сердечного препарата, который я не помню, когда принимала в последний раз, в сочетании с вином дают интересный эффект. Мне пришлось приложить немало сил, чтобы добиться эффекта привыкания.

Я приподнимаюсь на цыпочки:

– До сих пор не могу опомниться от счастья, что мне в кои-то веки что-то обломилось поровну с Джейми. Кажется, такого никогда еще не случалось.

Том переходит к стене и принимается нажимать на пузыри в обоях.

– Еще как случалось.

– Да сядь ты уже посиди! – Я указываю на кресло, он послушно сдвигает в сторону гору лифчиков и усаживается. Хороший мальчик. – Джейми никогда в жизни ничем не делился со мной поровну. Даже когда мама в детстве давала нам на двоих кусок пирога с условием поделить пополам...

- Джейми делил его на шесть и четыре десятых, – заканчивает вместо меня Том.
- Он говорил, что он больше и поэтому ему полагается бóльшая часть.

Я устремляю взгляд на Тома. Он сидит в кресле, как кусок пирога или еще одна прекрасная фотография, которую мне никогда не доведется сделать. В свете электрической лампы его лицо кажется еще фотогеничнее. Я понимаю, что пьяна, но остановиться не в состоянии, и добавляю:

- А тебя мне вообще нисколько не досталось.

Смотрю, как он обдумывает мои слова. Отрицать это он не может. Все наше детство мы провели на противоположных концах стола. Мой блондинистый братец-командир без умолку болтал, смеялся, доминировал. Вел себя как соединяющее звено между нами. «Оставь Тома в покое, – только и слышала я. – Не обращай на нее внимания». Пожалуй, вот так наедине с ним сегодня я оказалась впервые.

Мы все владеем Томом Валеской по частям: Джейми, Меган и я. Его мама и мои родители. Лоретта и Патти. Все, кто хоть раз в жизни с ним сталкивался, жаждут заполучить себе кусочек, потому что он самый лучший. Я быстро прикидываю в уме общее количество всех этих людей. Дантиста и семейного врача туда же. Я могу претендовать хорошо если на один процент. Жадничать плохо. Нужно делиться.

Вино теплой щекотной волной циркулирует по моим венам.

– Ну почему из нас двоих именно он появился на свет первым? Клянусь, если бы я была старшей сестрой, все было бы по-другому.

– Ваш папа всегда шутил, что Джейми был опытным образцом. – Том сегодня просто в ударе. – Это значит, что ты усовершенствованная модель.

– Вот только качество модели что-то подкачало. С брачком оказалась.

Я хлопаю себя по груди, и, не стесненная лифчиком, та беззастенчиво подпрыгивает.

– Да, кстати, я как раз хотел спросить, – осторожно говорит Том, избегая смотреть мне в глаза, точно охотник, подбирающийся к вожаку волчьей стаи, – как поживает твоя шпुлька?

Так он с самого детства называет мое сердце. Я уже и не помню, с чего все это пошло. В его представлении, в груди у меня находится шпулька с намотанными на нее нитками. В его арсенале такое количество методов держать в узде близнецов Барретт, что я просто не устаю поражаться. От этого его милого эвфемизма я всегда таю.

– Моя шпулька поживает прекрасно. Я намерена жить вечно. Должен же кто-то будет полить твою могилу «Квенчем». Хотя... придется же потом объясняться с престарелой Меган. Нет, я передумала. Я умру первой.

– Я за тебя беспокоюсь.

– А я беспокоюсь за невыносимо сексуальных богатырей, которые оказались ночью один на один со мной в доме и задают слишком много вопросов.

Я вытягиваю ноги, и ляжка майки спадает с одного плеча. Интересно, мой пирсинг в соске сейчас делает то, что у него лучше всего получается под одеждой: подчеркивает очевидное? Судя по тому, с каким выражением он смотрит на меня, грудь лифчиков и темноту за окнами, до него только что дошло, что наши отношения длиной в восемнадцать лет наконец-то, пусть и с большим опозданием, достигли знаменательной вехи.

Мы наедине.

Я заглядываю ему в глаза и чувствую, как внутри у него снова проскакивает какая-то искра. Все остальные видят в нем благовоспитанного милягу. А каким видится происходящее между нами мне? Я знаю лишь, что порой это что-то не вполне объяснимое.

– Ты ведь понимаешь, почему это все так странно, да?

Дверь со скрипом приоткрывается, и мы оба подсакиваем от неожиданности. Если кто-то и мог бы знать о существовании где-нибудь за шкафом потайного хода, ведущего с улицы прямо в дом, это был бы Джейми.

В комнату, воинственно распушив хвост и не сводя своих зеленых глаз с Патти, входит кошка Лоретты, Диана. Она тоже часть нашего с Джейми наследства. В глубине души я недолюбиваю ее, но опять-таки не могу не признать, что животные обладают магической способностью разряжать напряжение.

Я щелкаю пальцами, чтобы привлечь ее внимание, и она одаривает меня взглядом, в котором явственно читается: «Что ты вообще себе позволяешь?»

– Не хочу быть циничной, но тебе не кажется, что Лоретта завела эту кошку, чтобы прибавить себе мистического флера в глазах своих клиентов?

– Она не была шарлатанкой. – Том качает головой. – Она действительно во все это верила.

Том испробовал на себе практически все, что было у Лоретты в репертуаре. Она была в восторге от его ладони. Вполне предсказуемо, он обладатель чумовой линии сердца. «Как будто клинком ударили, – сказала ему она, сопроводив свой комментарий рубящим движением руки. – От души так». Он тогда воззрился на свою руку, с изумлением насупившись, словно ожидал увидеть там кровь.

Лоретта специализировалась на Таро, но предлагала все: гадание на кофейной гуще, И-цзин, нумерологию, астрологию, фэншуй. Хиромантию, толкование снов, кольцо на подвеске. Прошлые жизни. Тотемные животные. Ауры. Однажды, подростком забежав к ней в гости, я очутилась перед запертой дверью, к которой была прилеплена бумажка с надписью «Не входить. Идет сеанс».

– Знаю. – Я обвожу рукой вокруг себя. – И думаю, она честно отработывала свои деньги. Но и антураж создавать она тоже была большая мастерица.

Обои на стенах украшает узор в виде гиперреальных кроваво-красных гортензий. Шторы обрамляет бахрома из чернильно-черных бусин, таинственно мерцающих на свету. Низенький кофейный столик с легкостью преобразуется, стоит накрыть его плотной блестящей скатертью и водрузить поверх хрустальный шар.

Тут ты словно оказываешься внутри бутылки джинна. Когда в камине потрескивает огонь, а на стенах горят рубиновые лампы, в этой прекрасной комнате ты можешь поверить во что угодно. В воздухе до сих пор висит густой запах фирменного благовония Лоретты: смеси полыни, кедра и сандала с еле уловимой компрометирующей ноткой травки. В этой комнате я скучаю по ней меньше всего.

– Этот камин входит в пятерку моих самых любимых на свете вещей, – киваю я в его сторону. – Скорее бы уже похолодало, чтобы можно было его топить. – Мысленно листаю вперед страницы календаря. – А, ну да. Черт!

Том сплетает пальцы рук и подается вперед:

– Мы можем зажечь его вместе, перед тем как...

– Да, хотя бы один раз напоследок было бы здорово, – киваю я, пытаюсь не выказать своей грусти.

Кажется, я не подумала о том, с чем мне придется попрощаться.

Презрительно наморщив нос, Диана вспрыгивает на подлокотник кресла Тома, и Патти начинает трястись от ярости. Милые маленькие буфера. Что бы мы без них делали?

– Я умоляла Джейми забрать ее к себе. – Открываю новую пачку маршмеллоу, потому что сосущая пустота разверзается все шире и шире. – Каждому злomu гению нужна пушистая кошка, которую он мог бы гладить.

Том протягивает к ней руку, и она принимается тереться своей белой щекой о его костяшки, потом устремляет на меня самодовольный взгляд своих ядерно-зеленых глаз. Очень ее понимаю. Я бы с большим удовольствием последовала ее примеру.

Он широко зеваает и слегка ссутуливается, не подозревая о том, что мои мысли с каждой минутой принимают все более и более фривольный оборот. Тут я кое-что вспоминаю.

– Слушай, у нас проблема с комнатой Джейми, – говорю я, и Том немедленно хватается за эту возможность покинуть комнату; выходит, мое состояние от него все-таки не укрылось. – Я не виновата! – кричу я ему вслед. – Я не знала, что ты должен приехать!

– Да она забита до самого потолка, – отзывается он из коридора. – Дарси, это даже не смешно.

– У меня нет ни одной кладовки, а Джейми все никак не соберется приехать и забрать свое барахло. Ну, вот я и... и забила его комнату до потолка.

Когда Том показывается вновь, я как раз наливаю себе очередной бокал вина. Он без лишних слов забирает у меня бутылку и, подняв над головой, смотрит на свет, чтобы определить, сколько там еще осталось.

– Все, на сегодня хватит! – Он легонько взъерошивает мне волосы, чтобы смягчить свои слова. – Я все никак не привыкну. Они такие короткие.

Он до сих пор так и не сказал, что стрижка мне идет. А сама я не спрашиваю, потому что врать Том не умеет. Меган – обладательница роскошной блестящей гривы цвета воронова крыла. Даже мне хочется потрогать ее волосы.

– Я выгляжу как член корейской музыкальной мальчиковой группы, но мне плевать. Зато приятно, когда ветер холодит шею.

Том убирает руку, и я тянусь за его пальцами. Надеюсь, он ничего не заметил. Прикосновения нужны мне сильнее, чем солнечный свет, как ни стыдно в этом признаваться. В воздухе возникает голографический призрак Винса, и я усилием воли заставляю его померкнуть.

– Я лично даже не догадывался о том, что у тебя есть шея. Что стало с твоей косой после того, как ее отстригли? Только не говори, что ты ее выкинула.

Эта мысль явно его ужасает.

– Я ее пожертвовала. Так что кто-то теперь разгуливает в большом блондинистом парике. Ну как, со стрижкой я похожа на Джейми?

Он смеется, и в комнате мгновенно становится светлее. Я говорю это не ради красного словца, это чистая правда. Все лампы разом вспыхивают. Скачок напряжения в электрической сети – или это Лоретта подглядывает за нами? Я лично без сомнения поставила бы на последнее.

– А твой брат что сказал, когда увидел это?

– Что я похожа на недоделанную Жанну д'Арк, которая решила податься в готы, и что я состригла то единственное, что делало меня похожей на человека. Да и наплевать. Главное, что мне нравится.

Том ставит подальше бутылку и бокал, потом берет пакет с маршмеллоу, который я все это время прижимала к груди, и кладет его на каминную полку.

– Не вижу ни малейшего сходства.

– Я похожа на мистера Пакмана с бантиком на голове. В уменьшенном масштабе.

– Вот уж ничего подобного.

– Это комплимент или оскорбление? Мой брат – красавчик, ты же знаешь.

Явно забавляясь, Том качает головой, но по-прежнему ничего не говорит. Я рыбачу с этого самого пирса уже много лет. Том подходит ко мне вплотную и, протянув руку, легонько касается красной отметины на моем запястье:

– Вот это вот никуда не годится. И я бы... – Не договорив, он стискивает челюсти так, что на щеках у него начинают играть желваки, а руки сжимаются в кулаки.

Я прекрасно знаю, что он сделал бы. Нет никакой необходимости произносить это вслух. Я это чувствую.

И только я собираюсь протянуть руку, чтобы разжать его пальцы, как он решает скрыться от меня в том единственном месте, куда я не могу за ним последовать.

– Пойду-ка я приму душ, – говорит он и, выйдя за дверь, возвращается с огромным чемоданом.

– Что это? Ты что, собрался в кругосветное путешествие? Решил облететь весь мир?

– Ха-ха, – сухо отзывается Том.

Летать он очень не любит. Представлять, как он, с трудом втиснувшись в крохотное самолетное кресло, испуганно сжимает подлокотники, очень странно. И умилительно. И грустно. Вот что вино делает с человеком. В особенности вино, помноженное на *The Cure*.

Я откидываюсь на спинку кресла и закидываю ногу на ногу.

– Душ в последнее время ведет себя несговорчиво. Давай я покажу тебе, как с ним управляться, – говорю я сугубо деловым тоном, но не могу не заметить розово-золотые пятна, которые вспыхивают у него на щеках, когда он расстегивает свой чемодан.

– Спасибо, не надо.

Том вытаскивает пижаму и черную сумочку на молнии.

– Так, подожди! – Я вскакиваю на ноги и бегу в коридор, по пятам преследуемая Патти. – Я должна кое-что проверить...

– Расслабься, Дарс, – раздается у меня за спиной голос Тома, когда я лихорадочно собираю разбросанное по полу ванной нижнее белье. – Мы же, когда росли, практически делили одну ванную.

И он из вежливости не напоминает мне о том, что живет с женщиной. Чего он там не видел?

Места в ванной становится вполтину меньше, но я по-прежнему отказываюсь выходить.

– Все, кыш отсюда!

Он берет за нижний край футболки. Потом тянет его вверх. Я внутренне подбираюсь. Показывается дюймовая полоска загорелой кожи цвета карамельной ириски. Я изо всех сил стараюсь держать себя в руках. Главное – не смотреть туда.

Костяшки его рук начинают белеть.

– Давай выметайся уже!

Я не знаю, к кому он обращается: ко мне или к Патти. Я молю святую Меган укрепить мою волю. Он выпроваживает меня за дверь.

– Полотенца там же, где всегда?

– Угу, – выдавливаю я, совершенно убитая отчетливым щелчком замка в двери.

Как унижительно! Как благопристойно!

– Прости, что веду себя с тобой как дура.

– Да ладно.

Там, за дверью, Том начинает раздеваться. *Давай же, Maison de Destin. Сделай так, чтобы твои стены рухнули.*

– Не забывай, я много лет тебя знаю.

– И все это время я вела себя с тобой как дура.

– Угу.

Из-за двери слышится грохот, потом оглушительный рев, и Том вскрикивает от неожиданности.

– Ох уж эти трубы!

До меня доносится шелест занавески для душа. Я сползаю по стене на пол. Патти двоится у меня в глазах. Вот и славно! Когда он уедет, я оставлю себе одну из них.

– Везет же этой трубе.

Ноги меня не держат, и, возможно, мне стоило бы беспокоиться. Не настолько уж много я и выпила. Может, я умираю? Да нет, с сердцем вроде бы все нормально, оно отважно стучит себе дальше. Я смотрю на две маленькие собачьи мордочки рядом со мной.

– Эх, малышки, этот душ даже не представляет, как ему повезло.

Ладно, подведем итоги этого вечера.

Том Валеска в данный момент подставляет свое идеальное лицо струям воды в моей ванной, и прозрачные капли скатываются по его золотистой коже, под которой играют упругие мышцы. Я видела, как он выходит из бассейна, наверное, уже десять миллиардов раз, так что, думаю, я знаю, как это выглядит. Наверное.

Я задираю футболку и ее краем утираю покрытые испариной лицо и шею.

У него обалденные ноги и мускулистая задница. Бедрa, которые так и хочется оседлать. А плечи, с которых в эту минуту стекают ручейки воды? Душ выключается, и он, наверное, пытается обернуть вокруг себя одно из полотенец Лоретты. Эти полотенца едва сходятся на талии у меня.

Картинки, которые роятся у меня в голове, следовало бы наглухо запечатать в коробке с силиконовыми дилдо, как будто это чертов саркофаг.

Все это просто не может происходить в реальности. Наверное, я спьяну отрубилась на диване и теперь мне снится горячечный эротический сон. Но если бы это был сон, дверь ванной была бы приоткрыта, а в щелку выползали бы клубы пара. Если бы он сейчас позвал меня войти, я зубами выдрала бы дверные петли и выплюнула их на пол.

Могу сказать с абсолютной уверенностью: ни один мужчина никогда прежде не вызывал у меня желания лизнуть запотевшую кафельную плитку на полу ванной.

– Меган, Меган, – шепчу я, вызывая в голове образ льдисто поблескивающих бриллиантов на холеном пальце, и усилием воли заставляю себя подняться на ноги.

В своей комнате я стираю с глаз макияж и переодеваюсь в легинсы и старую футболку с принтом какой-то рок-группы. Зубы чистить не буду, и плевать на кариес. Когда Том появляется на пороге в очередной обтягивающей футболке и спортивных штанах, я вновь начинаю сомневаться, не снится ли мне все это.

– Ты кое о чем забыла. – Он тычет большим пальцем в сторону соседней двери. – Та комната... – Его челюсти сжимаются, и он с трудом подавляет зевок; да уж, мое гостеприимство оставляет желать лучшего. – Где я буду спать?

– В моей кровати. Да не со мной! Я сегодня лягу на диване. – Я оглядываю свою прикроватную тумбочку. – погоди, дай я быстренько приведу комнату в порядок.

Он смеется с таким видом, как будто раскусил меня:

– Я поплю на диване.

– Ты там не поместишься. Ложись.

Я откидываю одеяло, беру его за запястья и бросаю на постель. Это оказывается до странности просто. Разве справиться с таким великаном и свалить его не должно быть сложно? Может, я суперсильная? Или это он легкий как перышко?

Или, что гораздо более правдоподобно, он просто до смерти устал. Но, несмотря на это, Том одаривает меня таким взглядом, от которого мурашки бегут по телу. А когда он натягивает одеяло, оно едва прикрывает его бедра. Он похож на прекрасного могучего викинга, даже под этим одеялом веселенькой девчачьей расцветки.

– Это неправильно.

Он прислоняется к изголовью кровати и косится на мою прикроватную тумбочку. Это меня не слишком беспокоит. У него железобетонные моральные принципы. Чего отнюдь нельзя сказать о моих. Так, пора валить из этой комнаты. И из этой страны.

– Джейми убил бы меня, если бы узнал, что я позволила тебе ночевать на диване или, того хуже, на полу. Можешь считать меня радушной хозяйкой.

Я несу какую-то невозможную пьяную чушь. И это очень странно, потому что чувствую я себя внезапно совершенно протрезвевшей. Я открываю массивный деревянный сундук в изножье кровати и принимаюсь рыться в нем в поисках лоскутного одеяла. Матрас под Томом тревожно скрипит. Кажется, этот звук исторгнут из глубин его собственной души.

– Что такое? – цыкаю я на него. – Спать в моей постели – это не измена Меган. И белье я только что застелила свежее, так что на этот счет можешь даже не переживать.

Краешком глаза я вижу, как он со священным ужасом бросает взгляд на потенциальное место Винсента.

Старательно не глядя в его сторону, я хватаю подушку. Я и так знаю, что в мою королевских размеров кровать Том вписался, как будто спал тут всегда.

– Ладно, спокойной ночи.

Я плетусь обратно по коридору, задевая локтями все на своем пути, и падаю на диван.

Там, зная, что к утру в комнате будет холодрыга, я заматываюсь в одеяло и ставлю себе одну маленькую недостижимую цель.

Так, ничего особенно амбициозного. О том, чтобы найти в себе мужество перестать цепляться за диван и проделать путь по коридору в обратную сторону, там нет ни слова. Физический контакт кожа к покрытой испариной коже в рамки осуществимого не входит.

Не в нынешних обстоятельствах, не в этой жизни, не с Томом.

Я считала, что обладать одним процентом сердца Тома Валески – все равно что сорвать джекпот, но, думаю, я была не права. Теперь мне этого недостаточно.

Я намерена отвоевать себе два процента.

Глава 6

В ту ночь поспать мне практически не удалось, потому что я думала про тот давний день, когда Том признался мне в своих чувствах, а я не поняла. Тогда моими были все 100 процентов, а я об этом даже не подозревала.

Мне было восемнадцать. Я, в чулках в сеточку, надеваю черные туфли на высоченной платформе, собираясь на тусовку с плохой компанией. Том смотрел на это, прислонившись к дверному косяку, а потом попросил меня не ходить. Для меня не было секретом, что он не одобряет ни моих одетых во все черное друзей, ни моих ночных загулов. Я считала, что это типичное «Валеска спешит на помощь». Спасать неразумную Дарси от опасности.

– С чего бы это вдруг? – бросила я ему в своей обычной небрежной манере. – Почему я не должна туда идти?

– Потому что я люблю тебя, – ответил Том своим спокойным рассудительным голосом.

А я без тени задней мысли и грамма серьезности отозвалась:

– Я знаю, – потому что всегда чувствовала это.

Да и как можно было не чувствовать? Сколько раз он спасал меня? Надо было быть круглой идиоткой, чтобы не понимать этого. Я по сей день знаю, что он любит меня в старомодном «я в ответе за свою семью» смысле.

Как выясняется, «я знаю» было неправильным ответом.

Том побагровел от смущения и ушел. И ни разу не обернулся, пока спускался по лестнице и шел до ворот. И не остановился, даже когда я догнала его на той стороне улицы. Он захлопнул дверь прямо у меня перед носом.

Это был самый первый раз, когда я порвала в клочки предложение, которое бывает один раз в жизни.

Я тогда плюнула на друзей и вместо них пошла к Лоретте. Когда я рассказала ей о том, что произошло, она вздохнула:

– Я всегда знала, что так и будет.

Ну конечно, чего еще можно было ожидать от гадалки? Она покачала головой. Она не это имела в виду.

– Этот парнишка отдал бы за тебя жизнь.

Мы с ней сидели на крыльце и курили косяк, передавая его друг другу. Это было волнующее ощущение.

– Только отцу не говори. И как только у меня уродился такой моралист! Как может быть вредным то, что растет на земле?

Она рассказала мне о своем первом муже – до того, как встретила дедушку. Я была потрясена, услышав, что она дважды выходила замуж.

– Я была совсем девочкой, – задумчиво произнесла Лоретта и, сузив глаза, затянулась. – Может, если бы мы с ним встретились лет на десять позже... Это была ужасная ошибка. Я сделала ему очень больно, потому что была молодая и глупая и не могла любить его так, как он того заслуживал. И я до сих пор об этом жалею. Взрослей и живи своей жизнью. Ты точно такая же сумасбродка, как я.

Я засмеялась и сказала, что никогда в жизни не выйду замуж. Мы с Томом максимум поцеловались бы, если об этом не было бы так странно думать.

Мои слова не вызвали у Лоретты даже тени улыбки.

– Ему нужно от тебя гораздо больше. Я вижу, что ты воспринимаешь все это недостаточно серьезно.

Поспешно, как будто это был вопрос жизни и смерти, она купила мне мой первый билет на самолет и дала денег. Через несколько дней она под покровом темноты отвезла меня в аэро-

порт. Это был переломный момент. Внезапно я оказалась сразу в нескольких ролях, в которых прежде никогда не бывала: полностью ответственной за саму себя и больше не частью двойни. Словно бы весь тот хаос, который я породила, стравили через спускной клапан, и я поняла, что поступить так было правильно.

Неприятные объяснения с моими родителями и братом Лоретта взяла на себя, а я бросила свою первую монетку в фонтан Треви в Риме, в мгновение ока подсев на это ощущение бесшабашной анонимности. Никто здесь не видел во мне девушку с большим сердцем, сестру гораздо более обаятельного брата. Меня тут видели впервые, но лучше всего было то, что я могла просто-напросто сбежать прочь от всего, что мне не нравилось.

И какое же желание я загадала, бросая монетку в фонтан? Чтобы Том был не слишком сильно травмирован моим легкомыслием.

Наконец я погружаюсь в дрему на диване, с головой накрывшись лоскутным одеялом и представляя, как иду по застеленному ковровому телетрапу на посадку в самолет. Это то, что мне нравится больше всего: сбегать из реальной жизни, чтобы все, кого я люблю, могли вздохнуть спокойно.

Вот только в тот раз, когда я впервые сделала это, меня не было слишком долго. А когда я вернулась, готовая взглянуть Тому в глаза и руководствоваться своими чувствами, меня ждал большой сюрприз в виде холеной уравновешенной девушки рядом с ним, на пальце у которой однажды появится его прекрасное кольцо.

А теперь хотите посмеяться? Их познакомил Джейми.

– Ты там живая? – слышится надо мной чей-то голос.

Всхрапнув, я просыпаюсь, скидываю с себя одеяло и разлепляю глаза.

– Ой! – Голос у Тома сочувственный, так что, судя по всему, видок у меня неважнецкий.

Он ставит на низенький столик перед диваном картонный стаканчик с кофе. Следом на столе появляется коробка с чем-то явно вкусным.

Я с трудом ворочаю пересохшим языком:

– Я когда-нибудь говорила тебе, что ты самый лучший человек на земле?

– Да, и не раз. Тут вафли. Все по-прежнему, да?

Как и его незывлемые сыр и салат на ланч, моя похмельная еда не изменилась. Я киваю и приподнимаюсь на локте. Как хорошо, что ему не известно о моем путешествии по закоулкам памяти.

– Сколько сейчас времени? – Кофе идеальной температуры и степени сладости, и я принимаюсь жадно пить его мелкими глотками. Как колибри. – Боже мой! – Я опрокидываю последнюю каплю в рот и облизываю изнутри ободок стаканчика. – Как же хорошо!

Неужели все, что доставлено его руками, имеет такой божественный вкус? Меган, повезло же тебе, паршивке! Клянусь, он мог бы превратить черствую хлебную корку в еду! Том снимает крышку со своего стаканчика, высыпает в него содержимое сразу нескольких пакетиков с сахаром и протягивает мне. Какое великодушие! Какая доброта!

И я порвала все это. Порвала в клочья.

– Не плачь, это же всего лишь вафли, – с улыбкой произносит он. – Время идет к ланчу. Мне нужно кое-что тебе показать до того, как мы позвоним Джейми.

Его телефон начинает пиликать.

– О, долго жить будет.

Я беру надрывающийся телефон и нажимаю на кнопку громкой связи. Несмотря на стоящие в глазах слезы и севший от раскаяния голос, мне удается произнести в трубку:

– Алло, вы позвонили в службу поддержки обладателей микропенисов.

На том конце повисает молчание, потом раздается тяжелый вздох, который я узнала бы где угодно. Наверное, я наслушалась их еще до рождения. Том сверкает зубами в ухмылке, и

я чувствую себя счастливее, чем если бы мне удалось рассмешить целый стадион. Я отвоевала мои два процента. Это официально.

– Оборжаться, – произносит Джейми сухо. – Просто до коллик.

– Совершенно согласен, – отзывается Том.

Я отказываюсь выходить из роли:

– Насколько мал ваш пенис, сэр?

– Не поощряй ее, – приказывает Джейми, когда Том не выдерживает и начинает смеяться. – Дарси, где твой телефон?

– В женском туалете в баре «У Салли». Вторая кабинка с конца.

– Ну так купи себе новый, дурья башка.

– У меня в машине есть старый, можешь его взять.

У Тома всегда наготове решение любой проблемы, в особенности когда он слышит голос своего босса Джейми.

– Спасибо, но без телефона мне живется гораздо лучше, – сообщаю я в трубку.

Кофе, вафли, Том, Патти, устроившаяся рядом с моей ногой, и мой брат, снова называющий меня дурьей башкой. В присутствии Тома жизнь стремительно налаживается.

– Так, дай угадаю, – говорит между тем Джейми. – Она вчера так набралась, что сегодня в состоянии нестояния.

– Ну, э-э-э... – мямлит Том, потому что врать не умеет.

Зато я вру как дышу.

– Я только что вернулась с прогулки.

Мой братец лишь ржет в ответ, чуточку дольше, чем это необходимо.

– Ну да, конечно. Ты точно не будешь путаться у Тома под ногами, пока он будет все готовить?

– Я намерена убраться со сцены еще до того, как он вообще откроет свой ящик с инструментами, не волнуйся.

– Исключительно правильное решение, – с неприкрытым сарказмом отзывается Джейми. – Свалить, пока тебя не припахали к чему-нибудь трудному. Пускай бедняга Том ищачит в одиночку.

– Бедняга Том здесь затем, чтобы делать работу за деньги, – напоминает моему брату Том.

Я открываю коробку и обнаруживаю там две идеальные вафли.

– Ну, мне придется паковать вещи. Это, вообще-то, довольно трудно.

Обмакнув вафли в сироп, я начинаю руками ломать их на части. Потом угощаю Патти крохотным кусочком, а себе в рот отправляю огромный кусище.

– Ты состроишь Тому глазки, и он все сделает за тебя.

– Я не стану так делать, – бурчу я с набитым ртом, облизывая пальцы.

Лицо Тома надо мной выражает нечто среднее между страданием и желанием рассмеяться.

– Еще как станешь. Ты теперь вообще как с цепи сорвешься! – Джейми фыркает. – Не сомневаюсь, что твое сочувствие было абсолютно лицемерным.

– Почему я должна сорваться с цепи? – Я вскидываю глаза на Тома. – На что он намекает?

Тот пожимает плечами и прерывает нашу пикировку:

– Бригада приедет уже в понедельник, и до этого времени нам необходимо очень много всего успеть. Дарс нужно собрать вещи, и вам следует договориться, в каком стиле мы будем делать ремонт.

– В современном, – произносит Джейми в ту же минуту, когда я говорю:

– В винтажном.

Том со стоном плюхается на край дивана. Я едва успеваю убрать ноги. Он проводит пальцами по глазам:

– Прощай, жестокий мир!

– Все будет хорошо, – заверяю я его с набитым ртом. – Не переживай. – Отщипываю кусочек вафли и сую ему в рот.

– Тебе-то легко говорить, – замечает Джейми. – Ты будешь разгуливать по какой-нибудь очередной экзотической стране, поедая мороженое, пока мы с Томом будем тут вдвоем надрываться. Кстати, что там у тебя в твоём плане обретения себя следующим пунктом? Пирсинг и стрижку практически под ноль ты уже сделала. Дальше, видимо, будет татуировка?

Эту шпильку я предпочитаю проглотить, потому что Том принимается с беспокойством вглядываться в меня в поисках пирсинга. Нос? Ухо? Бровь? Он отводит взгляд и явно обдумывает оставшиеся возможные варианты.

Я испепеляю телефонную трубку сердитым взглядом.

– А ты, значит, будешь надрываться, просиживая задницу в офисе и время от времени отвечая на звонки и сообщения от Тома? А может, даже собственноручно выберешь в каком-нибудь интернет-магазине кран или кафель? Это, по-твоему, надрываться?

– Ну, ты-то и того делать не будешь, – цедит в ответ Джейми.

Я внутренне вскидываюсь; мне очень хочется ответить, как в былые времена: «Вызов принят!» Но мой похмельный мозг, не успевший еще раскопчегариться, не может ничего придумать. Получится у меня освободить дом от вещей в рекордные сроки?

– Кажется, речь у нас шла о том, что всю тяжелую работу делаю я, а вы мне за это платите, – прерывает нас Том, наш бессменный хладнокровный рефери. – Дарси, тебя устроит сумма в пять процентов от цены продажи?

– Дарси у нас никогда не была особенно сильна в математике, – издевательским тоном произносит Джейми в тот самый момент, когда я говорю:

– Конечно.

– Ты даже не знаешь, сколько это будет, – невольно подливает масла в огонь Том. – Ты вообще в курсе нынешних реалий рынка недвижимости в вашем районе? – Он слегка отодвигает телефон в сторону и понижает голос. – Ты должна отдавать себе отчет в том, на что соглашаешься. Это же твое наследство. Я подготовил контракт, который вам обоим нужно будет подписать. Несмотря на то что мы все тут друзья, все должно быть по-честному. Как только вы подпишете этот контракт, то оба превратитесь в клиентов.

– Бизнес есть бизнес, – еле слышно доносится из телефона голос Джейми. – Я вижу, Том, ты усвоил мои уроки.

Я согласилась бы хоть на десять процентов, хоть на двадцать. Хоть на пять процентов его сердца. На что угодно.

– Не понимаю, о чем тут разговаривать? Я доверяю тебе. И уверена, что это справедливая цена. Главное, чтобы дом был отремонтирован, это все, что меня интересует.

– Тебе стоило бы побольше интересоваться деньгами.

Тома, похоже, моя безоглядная вера в него не очень радует. Вид у него такой, будто его тошнит.

– Слышал, Том? Ты единственный человек в мире, которому Дарси Барретт доверяет! – говорит Джейми слегка издевательским и откровенно завистливым тоном.

Я прищуриваюсь, глядя на трубку.

– Он – идеал мужчины, – заявляю я, просто в пику Джейми.

– Прекрати, пожалуйста, говорить такие вещи, – несчастным голосом просит Том.

– Ты ведь все ей рассказал, да? – спрашивает Джейми.

Повисает долгое молчание. Нескончаемое. Я слышу, как трещат хлопковые нити на теле Тома.

– А-а-а, ну, понятно, – задумчиво тянет Джейми. – Да, думаю, я понимаю, какими сообщениями ты руководствовался. Умно.

Впервые за все время у меня закрадывается какое-то подозрение. Том упорно на меня не смотрит.

– Эй, что это вы двое затеяли?

– Ничего, – отвечает Том с тяжелым вздохом. – Ладно, мы с вами топчемся на месте. Я договорился с одним человеком, чтобы он подъехал осмотреть фундамент. До среды вы должны договориться о стиле. Мне нужно заказывать материалы.

– Сделай все как было, только новое, – киваю я.

Дело закрыто.

– Сделай все как в моей квартире, – приказывает Джейми. – Тебе сейчас главное продержаться до того момента, пока она не уедет, а потом сделаешь стандартный современный ремонт. Как тот, что ты делал в прошлом году, с такой стильной серой акцентной стеной. Делай то, что будет легко продать.

– Серая акцентная стена? Лоретта сейчас смеется до слез. – Я смотрю на прекрасные обои. Я-то думала, что могу доверить Тому заботу о доме. – Ты же понимаешь, что такой старый дом с современным ремонтом будет выглядеть просто нелепо?

– Нам нужно будет раз в неделю встречаться по поводу бюджета, – упорно гнет свою линию Том, – и все изменения после того, как мы все утрясем, вы должны принимать совместным решением. Я намерен закончить ремонт в срок и не выходя за рамки сметы.

– Я ни минуты в этом не сомневаюсь, – говорит Джейми с железобетонной уверенностью. Никогда в жизни не слышала у него такого голоса. – Мне пора на совещание. Том, делай в современном стиле.

Джейми вешает трубку. Том бросает телефон на кофейный столик и откидывается назад. Мои ноги под одеялом оказываются прижаты его бедром.

– Современный винтаж, – произносит Том задумчиво. – Барретт против Барретта. Даже и не знаю, как я буду выкручиваться. Ты же понимаешь, что я могу порадовать только одного из вас?

– Просто ты должен решить, кого из нас ты больше хочешь порадовать. Подсказка: это я. Я улыбаюсь ему. В его глазах зарождается сомнение, и я улыбаюсь шире, умильнее. Даже нос морщит, изо всех сил изображая из себя маленькую избалованную сестричку.

– Мне действительно нравится тебя радовать, – признается он ворчливо, и я немедленно воспаряю духом.

Три процента! Я чувствую себя как покупатель, который пришел в магазин и оказался миллионным по счету.

– А почему Джейми намекал на какой-то секрет? Мне ты можешь рассказать, ты же знаешь.

Том забирает у меня пустую коробку из-под вафель, но я успеваю выхватить оттуда контейнер с сиропом и выпить остатки. Судя по выражению его лица, выглядело это отвратительно.

– Ты заработаешь диабет, – произносит он слабым голосом. – Или останешься без своих идеальных зубов.

Идеальных?

– Оно того стоит.

– В том, что касается этого ремонта, никаких секретов у меня нет. Я буду предельно откровенен с вами обоими.

Его взгляд устремлен на мои губы. Я облизываю их. Они сладкие. Я словно вся налита свинцовой тяжестью. Том по-прежнему сидит на моей ноге, и я даже не знала, что это фетиш, но, с другой стороны, что я вообще знала еще две минуты тому назад? С трудом усаживаюсь,

чувствуя, как напрягаются до дрожи мышцы живота, и немедленно понимаю, что это была ошибка, потому что теперь мы сидим практически вплотную друг к другу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.